

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

AP
50
M64
v.1:18

B 3 065 018

LEWIS
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Russ. Bal

22 Юля 1906 г.

№ 18.

Moskovskii

Московскій

Московскій

Ezhe nedel'nik

Ежедѣльникъ.

Редакторъ-издатель

Князь Е. Н. Трубецкой.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. *Ин. Евгений Трубецкой.* Министерство роспуска.
2. *Проф. А. С. Аленьевъ.* Правительственный актъ 8 іюля 1906 г. съ точки зрѣнія конституціоннаго права.
3. *С. К.* Итоги думской работы.
4. *М. Брунъ.* Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи во время революціи.
5. *Волжскій.* Къ вопросу о религіи и общественности.
6. *Проф. Ал. Фортунатовъ.* Связь грамотности и занятій въ населеніи Москвы.
7. Внутреннее обозрѣніе.
8. Печать.
9. Рабочее движеніе.
0. Библіографія.
- 1 Въ послѣднюю минуту.

МОСКОВСКІЙ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

22 Іюля 1906 г.

№ 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. *Ии. Евгений Трубецкой.* Министерство роспуска.
2. *Проф. А. С. Алексеевъ.* Правительственный актъ 8 іюля 1906 г. съ точки зрѣнія конституціоннаго права.
3. *С. Н.* Итоги думской работы.
4. *М. Брунъ.* Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи во время революціи.
5. *Волжскій.* Къ вопросу о религіи и общественности.
6. *Проф. Ал. Фортунатовъ.* Связь грамотности и занятій въ населеніи Москвы.
7. Внутреннее обозрѣніе.
8. Печать.
9. Рабочее движеніе.
10. Библиографія.
11. Въ послѣднюю минуту.

AP50
M64-
v.1:18

Министерство роспуска.

Процессъ образования министерства П. А. Столыпина, повидимому, закончился или заканчивается. Переговоры съ общественными дѣятелями шли не гладко. Нѣкоторые изъ нихъ согласились, другіе отказались. Въ общемъ старанія премьеръ-министра не увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Если бы П. А. Столыпинъ согласился на опубликованіе, воззванія, выражающаго отрицательное отношеніе правительства къ совершившемуся факту роспуска Думы, если бы онъ согласился созвать новую Думу не позже декабря, если бы онъ включилъ въ программу своего кабинета пересмотръ основныхъ законовъ, политическую отвѣтственность министерства и аграрную программу вѣрнопопданническаго адреса Думы и многое другое, успѣхъ его былъ бы иной. Тогда вступленіе общественныхъ дѣятелей въ его кабинетъ было бы даже желательнымъ и, во всякомъ случаѣ, не было бы ошибкою.

Между тѣмъ теперь приходится относиться къ новому кабинету весьма скептически. Дѣло въ томъ, что П. А. Столыпинъ остается П. А. Столыпинымъ. Его имя неразрывно связано съ фактомъ, съ которымъ невозможно примириться— съ роспускомъ Думы. Какія бы имена ни входили въ составъ министерства Столыпина, оно есть *министерство роспуска*. И этимъ, къ сожалѣнію, предопредѣляется характеръ его будущей дѣятельности.

Напрасно г. Столыпинъ старается увѣрить общественное мнѣніе, что его политика не будетъ реакціонной. Въ лучшемъ случаѣ это самообманъ и непростительное для государственнаго дѣятеля ослѣпленіе. Каковы бы ни были его желанія, иной политики онъ вести не можетъ. Самымъ фактомъ роспуска новый премьеръ вооружилъ противъ себя всѣхъ, лишилъ себя нравственной опоры. Дай Богъ, чтобы онъ не былъ вынужденъ управлять одной только голой силой.

Во всякомъ общественномъ собраніи, которое будетъ теперь допущено, вырвется крикъ негодованія противъ но-

М859755

ваго правительства; и оно будетъ принуждено не допускать собраній. Вся печать будетъ поглощена одной главной заботой, борьбой противъ министерства, и оно будетъ вынуждено закрывать органы печати. По тѣмъ же причинамъ оно будетъ прекращать дѣятельность обществъ и союзовъ.

Правительство обѣщаетъ созвать новую Думу. Но въ предстоящей избирательной кампаніи могутъ имѣть успѣхъ только тѣ лозунги, за которые распущена прежняя Дума. Та партія, которая не выставитъ на своемъ знамени удаленія этого министерства и основныхъ пунктовъ всеподданнѣйшаго адреса старой Думы, заранѣе обречена на провалъ.

Если съ точки зрѣнія новаго премьеръ-министра дѣятельность распущенной Думы сводилась къ „организаціи смуты“, то такъ же онъ долженъ смотрѣть и на предстоящую избирательную кампанію. И можетъ ли новое министерство разсчитывать до начала этой кампаніи на успокоеніе умовъ! Вѣдь главный источникъ остраго общественнаго возбужденія заключается въ пребываніи у власти *министерства роспуска*. Если оно не захочетъ уйти и уступить свое мѣсто общественному министерству, то какъ бы ему не пришлось взять назадъ обѣщаніе созыва Думы.

На что же разсчитываетъ П. А. Столыпинъ и гдѣ думаетъ онъ найти опору? Не въ монархическихъ ли чувствахъ крестьянскаго населенія, обманутаго въ своихъ надеждахъ роспускомъ Думы? Да, эти чувства были еще сильны всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но теперь въ народной психологіи на нашихъ глазахъ происходитъ колоссальный переворотъ.

Прислушаемся къ тому, что поютъ крестьяне на полевыхъ работахъ! То самое, за что два-три мѣсяца тому назадъ они растерзали бы. Марсельеза начинаетъ вытѣснять традиціонную народную пѣсню: ее поютъ даже въ тѣхъ еще пока мирныхъ уголкахъ, которыхъ не коснулись ни погромы, ни волненія; поютъ иногда даже безъ возбужденія, *машинально*, какъ что-то привычное. Пусть вспомнитъ г. Столыпинъ,

что говорится въ этой пѣсни про „царскій чертогъ“, и да ужаснется! Вѣдь эти понятія только что вошли въ обиходъ.

Привычка выработалась за послѣдніе два-три мѣсяца управленія кабинета Горемыкина—того самаго, гдѣ г. Столыпинъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ! Еще во время выборовъ господствовало совершенно другое настроеніе: несмотря на отдѣльные безпорядки и революціонныя вспышки, народъ въ общемъ посылалъ выборныхъ—повѣдать Царю свои нужды. Тогда господствующимъ лозунгомъ служило *единеніе Царя съ народомъ*. И это вопреки пропагандѣ, направленной всецѣло къ бойкоту Думы. Агитаторовъ раньше бросали въ огонь, когда они непочтительно выражались о Царѣ. Но то, что было не подъ силу пропагандѣ, то теперь сдѣлали расклеенныя повсемѣстно правительственныя сообщенія. Тѣ самыя правительственныя сообщенія, въ которыхъ народъ прочелъ отвѣтъ на адресъ Думы, отказъ въ землѣ и, наконецъ, роспускъ Думы. Сообщенія, въ которыхъ правительство осмѣлилось говорить языкомъ верховной власти, присвоивая себѣ ея полномочія и налагая вмѣсто нея veto на проекты законодательнаго собранія. Все это плоды той министерской политики, которая окончательно стерла грань между безответственнымъ Монархомъ и ответственными министрами. Монархическія чувства колеблются пребываніемъ у власти *министерства роспуска*.

Прислушаемся къ тому, что говорятъ солдаты! Гдѣ двое или трое сойдутся на разговоръ, тамъ мы неизбежно услышимъ отрывочныя фразы: „за правду разогнали Думу“, или: „сегодня я солдатъ, а завтра пахарь; я это помню“. И съ этими солдатами-крестьянами министерство собирается воевать противъ крестьянъ, бороться противъ завѣтной мечты о дополнительномъ надѣленіи!

Не рассчитываетъ ли г. Столыпинъ опереться на людей порядка, на умѣренныя партіи? На это отвѣчу я, стоящій правѣ партіи народной свободы и недавно вышедшій изъ

ея состава. Министерство роспуска вырываетъ у насъ почву изъ-подъ ногъ. Можемъ ли мы сказать народу, что при этомъ министерствѣ онъ получить землю, когда конфликтъ на почвѣ аграрнаго вопроса послужилъ мотивомъ къ роспуску Думы! Можемъ ли мы увѣрить его, что министерство роспуска послушаетъ голоса народныхъ представителей, когда соберется вторая Дума! Можемъ ли мы внушить ему убѣжденіе, что это министерство уступить мѣсто другому, отвѣтственному передъ Думою! Нѣтъ, мы заранѣе должны заявить, что съ фактомъ роспуска мы примириться не можемъ и согласны поддерживать только такое министерство, которое категорически выскажетъ къ этому факту отрицательное отношеніе.

Возможно ли ожидать чего-нибудь подобнаго отъ министерства, предсѣдательствуемаго Столыпинымъ? Врядъ ли! Для этого П. А. Столыпину пришлось бы всенародно отречься отъ того, во имя чего онъ принялъ назначеніе на постъ премьеръ-министра, иначе говоря, признать негодность своей первоначальной программы. Но тогда логичнымъ выходомъ является подача въ отставку.

Теперь я обращаюсь къ тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые согласились или согласятся принять предложенные имъ г. Столыпинымъ портфели. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, коихъ безусловная честность и чистота намѣреній не вызываетъ сомнѣній. Они совершили очевидную ошибку; но, быть-можетъ, еще есть возможность ее исправить. Спасти положеніе теперь какъ и прежде можетъ только министерство цѣликомъ общественное: оно одно можетъ дать странѣ необходимое успокоеніе. *Ликвидация министерства роспуска*, вотъ та цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ усилія новыхъ членовъ министерства Столыпина. Если они пойдутъ по этому пути, они окажутъ крупную услугу освободительному движенію, найдутъ въ странѣ сочувствіе и опору. Но пусть они помнятъ, что съ этимъ нужно торопиться. Все погибло, если для общественнаго министерства будетъ упущено время.

Кн. Евгеній Трубецкой.

Правительственный актъ 8 іюля 1906 г. съ точки зрѣнія консти- туціоннаго права.

I.

Было бы большимъ заблужденіемъ предполагать, что тотъ правительственный актъ, который положилъ конецъ первой законодательной сессіи Государственной Думы, представляетъ собою ничто иное, какъ примѣненіе монархомъ его права распускать парламентъ: между правительственнымъ распоряженіемъ, расклееннымъ 9 іюля на дверяхъ Думы, закрывшимъ народнымъ представителямъ входъ въ Таврической дворецъ, и конституціоннымъ актомъ, объявляющимъ о закрытіи сессіи законодательнаго собранія и о его роспускѣ, очень мало общаго какъ по формѣ, такъ и по мотивамъ.

Роспускъ парламента признается актомъ величайшей государственной важности, который можетъ быть оправданъ только соображеніями чрезвычайными, вызванными настоятельной и неотразимой политической необходимостью. Только обстоятельства исключительныя могутъ уполномочить монарха временно прекратить дѣятельность верховнаго государственнаго органа, безъ содѣйствія котораго ни одинъ сколько-нибудь важный актъ государственной воли, касающійся внутренней жизни государства, не можетъ получить обязательной юридической силы. Распустить парламентъ—значитъ временно прекратить законодательную дѣятельность и отсрочить принятіе всѣхъ правительственныхъ мѣръ, относящихся къ области верховнаго финансоваго управленія, значить, другими словами, затормозить жизнь государственнаго организма въ его важнѣйшихъ функціяхъ и существеннѣйшихъ проявленіяхъ. Очевидно, что мѣра, которая обусло-

вливаетъ собою такія уклоненія отъ нормальной государственной дѣятельности, должна быть поставлена основными законами страны въ строгія юридическія рамки, которыя предупреждали бы злоупотребленія этой мѣрой и не допускали бы связывать съ ней послѣдствія, могущія нарушить закономѣрное теченіе государственной жизни.

И дѣйствительно, во всѣхъ государствахъ съ упрочившимся правовымъ порядкомъ дѣятельность народнаго представительства обставлена условіями, которыя гарантируютъ его правильную дѣятельность отъ произвольнаго вмѣшательства правительства, и которыя ставятъ право монарха созывать и распускать парламентъ въ точно установленныя закономъ границы. Эти границы опредѣляютъ сроки, въ которые долженъ быть ежегоднѣ созванъ парламентъ, и промежутокъ времени, далѣе котораго народное представительство не можетъ остаться не созваннымъ. Нѣкоторыя конституціи различаютъ между обыкновенными и чрезвычайными сессіями законодательнаго собранія и предоставляютъ королю право распускать вторыя, а не первыя. По норвежской конституціи стортингъ, избираемый на три года, собирается ежегодно въ силу закона въ первый будничный день февраля мѣсяца (ст. 68 конституціи, видоизмѣненная закономъ 24 апрѣля 1869 г.) и засѣдаетъ столько времени, сколько признаетъ то нужнымъ, но не болѣе двухъ мѣсяцевъ; только для продленія его занятій сверхъ этого срока требуется разрѣшеніе короля (ст. 80 конст.). Въ силу же закона собирается шведскій риксдагъ ежегодно 15 января (2 ст. органическаго закона 1866 г.). Король имѣетъ право распустить его, но обязанъ созвать новый въ трехмѣсячный срокъ; этотъ новый риксдагъ не можетъ быть распущенъ королемъ прежде, чѣмъ не состоится первая законодательная сессія, которая должна продолжаться не менѣе четырехъ мѣсяцевъ (ст. 5 того же закона). Въ румынской конституціи палаты собираются безъ особой созывной грамоты 15 ноября cadaго года и могутъ быть распущены королемъ лишь подъ условіемъ созыва новыхъ палатъ не позднѣе какъ черезъ два мѣсяца (95 ст. конст.). Въ другихъ государствахъ, въ которыхъ король въ дѣлѣ созыва и роспуска палатъ не поставленъ въ такія узкія рамки, онъ, тѣмъ не менѣе, связанъ правилами, опредѣляющими точно сроки, въ которые послѣ роспуска народнаго представительства должны быть назначены выборы и созваны

новыя палаты. Въ Пруссіи ¹⁾ и Греціи ²⁾ выборы должны состояться черезъ 60 дней, считая со дня роспуска, а созваніе палатъ черезъ 90 дней; въ Бельгіи ³⁾ и въ Нидерландахъ ⁴⁾ выборы назначаются черезъ 40 дней, а созывъ новыхъ палатъ черезъ 60 дней. Самый длинный срокъ для созыва новой палаты, а именно четырехмѣсячный, опредѣленъ испанской конституціей ⁵⁾.

Какъ бы разнообразны приведенныя правила ни были, они всѣ имѣють свою общую цѣлью возвести роспускъ палатъ на степень закономѣрнаго конституціоннаго акта, примѣненіе котораго ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ направленіи не умаляло бы авторитета народнаго представительства, не стѣсняло бы его свободы дѣятельности и не ограничивало бы его компетенціи. Всѣ они разсчитаны на то, чтобы обезпечить ежегодный созывъ парламента и непрерывное функціонированіе его въ теченіе такого промежутка времени, который далъ бы ему возможность разсмотрѣть и утвердить бюджетъ, справиться со всѣми стоящими на очереди срочными законодательными работами и вообще провести законодательную сессію вполнѣ нормально безъ искусственныхъ сокращеній и вынужденныхъ урѣзковъ.

Является ли такимъ конституціоннымъ актомъ съ точки зрѣнія права правительственное распоряженіе 8 іюля?

На этотъ вопросъ приходится отвѣчать безусловно отрицательно.

Между тѣмъ, какъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, какъ мы сейчасъ видѣли, промежутокъ времени между роспускомъ палатъ и созывомъ парламента новаго состава назначается по возможности краткій (отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ), актъ 8 іюля откладываетъ созывъ Государственной Думы на семь мѣсяцевъ и двѣнадцать дней и это послѣ первой сессіи той Думы, которая была созвана болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, какъ она была возвѣщена рескриптомъ 18 февраля 1905 и болѣе чѣмъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, какъ было опубликовано, ея учрежденіе 6 августа 1905 г.!

1) Ст. 51.

2) Ст. 37.

3) Ст. 71.

4) Ст. 73.

5) Ст. 32.

Всякій правительственный актъ, который хотя и вращается въ формальныхъ рамкахъ закона, но влечетъ за собою неотразимо явное нарушеніе духа и смысла основныхъ законовъ страны, представляетъ собою актъ неконституціонный.

Такимъ именно неконституціоннымъ актомъ и является правительственное распоряженіе 8 іюля. Откладывая созывъ Думы до 20 февраля 1907 года, оно становится въ противорѣчіе съ тѣми постановленіями нашего законодательства, которыя, во-первыхъ, опредѣляютъ, что государственная роспись доходовъ и расходовъ для того, чтобы вступить въ законную силу, нуждается въ утвержденіи Государственной Думы (ст. 31 учрежд. Гос. Д.) и которыя, во-вторыхъ, устанавливаютъ, что разсмотрѣніе Думой государственной росписи доходовъ и расходовъ должно быть окончено къ 1-му декабря предшествующаго смѣтному году (ст. 10 правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія госуд. росписи 8 марта 1906 г.). Правда, законъ (ст. 13 правилъ) предусматриваетъ случай неутвержденія Думой внесенной на ея разсмотрѣніе государственной росписи, при наступленіи котораго остается въ силѣ послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись. Но при созданныхъ указомъ 8 іюля условіяхъ этотъ случай не наступитъ: разсмотрѣнной, но неутвержденной государственной росписи не будетъ по той простой причинѣ, что не будетъ самой Думы, которая могла бы ее не утвердить. Если же допустить недопустимое толкованіе ст. 13 правилъ и приравнять роспись, вовсе не бывшую на разсмотрѣніи Думы, къ росписи, Думой неутвержденной, то и тогда положеніе, созданное указомъ 8 іюля, останется столь же безысходнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ст. 13 правилъ, въ случаѣ неутвержденія Думой новой государственной росписи къ началу смѣтнаго года, сохраняетъ свою силу послѣдняя, установленнымъ порядкомъ, т.-е. Думой, утвержденная роспись. Такой же росписи у насъ нѣтъ, и правительству придется управлять безъ бюджета, законодательнымъ порядкомъ утвержденного, другими словами, править незаконномѣрно.

Правительство, примѣняя такой бюджетъ, не будетъ въ правѣ ссылаться на постановленіе нашихъ основныхъ законовъ, предоставляющее совѣту министровъ право во время прекращенія занятій Государственной Думы принимать безъ

ея утвержденія мѣры, вызванныя чрезвычайными обстоятельствами, ибо ежегодную роспись государственныхъ расходовъ и доходовъ ни въ какомъ случаѣ и никакими толкованіями нѣльзя подвести подъ понятіе исключительнаго мѣропріятія, вызваннаго чрезвычайными обстоятельствами.

Кромѣ бюджета, неудержимое теченіе государственной жизни вызоветъ настоятельную необходимость и въ другихъ мѣропріятіяхъ, требующихъ законодательной формы, т.-е. могущихъ быть изданными лишь по утвержденіи Государственной Думой. И такихъ мѣропріятій въ теченіе семи слишкомъ мѣсяцевъ окажется, конечно, не мало. Правительству придется или воздерживаться отъ нихъ, т.-е. оставлять настоятельныя государственныя нужды безъ удовлетворенія, или прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ, т.-е. облекать въ форму административныхъ распоряженій постановленія, которыя по нашимъ основнымъ законамъ требуютъ изданія ихъ законодательнымъ порядкомъ.

Такимъ образомъ правительственный актъ 8 іюля представляетъ собою актъ неконституціонный по существу. Но онъ является актомъ неконституціоннымъ и по формѣ.

Роспускъ парламента образуетъ собою настолько важный моментъ въ государственной жизни и съ нимъ связаны такія существенныя юридическія и политическія послѣдствія, что онъ вездѣ обставляется извѣстными формальностями, гарантирующими его характеръ, какъ гласнаго акта правительственной власти.

Роспуску парламента (Dissolution) въ Англіи предшествуетъ обыкновенно отсрочка его засѣданій (Adjournment), при объявленіи которой король предувѣдомляетъ о своемъ намѣреніи распустить парламента. 22 апрѣля 1831 г. король явился лично въ парламента, чтобы отсрочить его засѣданія, что было сдѣлано имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я пришелъ, чтобы отсрочить засѣданія парламента, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ мыслию немедленно за симъ распустить парламента“. На слѣдующій день роспускъ парламента былъ объявленъ въ формѣ прокламаціи. Точно также поступила королева Викторія въ 1847 году¹⁾. Въ 1837 и 1897 г. королева возвѣстила о предстоящемъ роспускѣ парламента въ

1) Thomas Erskine May. The english Parliament and his proceeding 8 изд. 1879 г. стр. 52.

тронной рѣчи, которая была произнесена при закрытіи сессіи парламента ¹⁾. Прусская конституція постановляетъ, что открытіе и закрытіе палатъ совершается королемъ лично или черезъ уполномоченнаго на то министра въ *застѣданіи соединенныхъ палатъ* ²⁾. Ст. 36 шведской конституціи гласитъ: „Когда король объявитъ роспускъ риксдага и повелитъ назначить новые выборы во всемъ королевствѣ обѣимъ палатамъ или одной изъ нихъ, то это королевское рѣшеніе объявляется риксдагу, созванному для этой цѣли, въ тронной залѣ. При закрытіи законодательной сессіи члены риксдага по созыву короля и по выслушаніи молебна собираются въ тронной залѣ и представляютъ свои пожеланія черезъ своего предсѣдателя. Прочитывается затѣмъ краткое извлеченіе изъ постановленій риксдага, послѣ чего король лично или черезъ министра, или черезъ члена государственнаго совѣта объявляетъ сессію закрытой“.

Если объявленіе о роспускѣ палатъ и слѣдующее за нимъ закрытіе парламента и не вездѣ обставлено правилами, внесенными въ основные законы страны, то вездѣ формы, въ которыя облакаются эти акты, соотвѣтствуютъ ихъ важному государственному значенію. Вездѣ эти формы обусловливаются взглядомъ на парламентъ, какъ на органъ, который, какъ таковой, никому не подчиненъ, какъ только закону, опредѣляющему компетенцію и порядокъ его дѣятельности. Никакой другой органъ власти не имѣетъ права давать ему предписанія, а тѣмъ болѣе дѣлать выговоры или замѣчанія. Король, который созываетъ и распускаетъ парламентъ, который утверждаетъ или не утверждаетъ состоявшіяся въ немъ рѣшенія, этимъ не осуществляетъ своего верховенства надъ нимъ, а тѣмъ болѣе не проявляетъ по отношенію къ нему своей надзирающей или контролирующей власти, точно такъ же какъ и парламентъ не проявляетъ своего верховенства надъ королемъ, обсуждая вносимыя его министрами предложенія и законодательные проекты и въ извѣстныхъ случаяхъ утверждая ихъ, а въ другихъ ихъ отвергая. *Король и парламентъ—два независимыхъ и не подчиненныхъ другъ другу органа верховной власти, которые*

¹⁾ Ст. 51.

²⁾ Dr. Josef Redlich. *Recht und Technik des Englischen Parlaments.* Leipzig 1905, стр. 321. Также Dr. Julius Hatscheck. *Englisches Staatsrecht.* Tübingen 1905, стр. 361 и сл.

признаютъ надъ собою лишь одного владыку—законъ. Этотъ же законъ—ни воля короля, ни воля парламента, а воля юсударства, добываемая сложнымъ юридическимъ процессомъ, въ которомъ главными факторами являются король и парламента. При такомъ соотношеніи короля и парламента, правительственный актъ, которымъ король распускаетъ парламента, никогда не можетъ носить и никогда не носить характера карательной мѣры по отношенію къ парламента, имѣющей цѣлью обуздать и образумить непокорныхъ членовъ парламента и подчинить ихъ велѣніямъ королевскаго правительства.

Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ формы, въ которыя облакается созывъ и роспускъ парламента, открытіе и закрытіе законодательной сессіи палатъ свидѣтельствуютъ объ уваженіи къ авторитету парламента, какъ органа законодательной власти.

И въ такія формы былъ облеченъ и созывъ Государственной Думы и открытіе ея. Оно сопровождалось надлежащей торжественностью и было обставлено церемоніалью, соответствующимъ важности совершившагося государственнаго акта, которымъ лучшіе люди страны, облеченные довѣріемъ народа, призывались къ совмѣстному съ Монархомъ государственному строительству...

Но не прошло и десяти недѣль, какъ эти формы были замѣнены другими, которыя трудно согласовать съ значеніемъ Думы, какъ верховнаго государственнаго органа и сотрудника Государя.

8 юля подписывается въ Петергофѣ указъ о роспускѣ Думы; одновременно, т.-е. того же 8 юля, „для вящаго охраненія въ С.-Петербургѣ и С.-Петербуржской губерніи порядка и общественной безопасности“ объявляется въ названномъ городѣ и губерніи вмѣсто введеннаго въ нихъ положенія объ усиленной охранѣ положеніе чрезвычайной охраны. Поздно вечеромъ того же дня указы эти отсылаются въ сенатскую типографію; ночью они отпечатываются. Въ третьемъ часу утра слѣдующаго дня, 9 юля, курьеръ сенатской типографіи съ тюкомъ экземпляровъ только что оттиснутаго номера: „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ направляется въ Государственную Думу къ начальнику охраны и вручаетъ ему бумагу съ предписаніемъ расклеить указъ о распушеніи Думы у входа въ

Таврической дворець. Начальникъ охраны обходить помещеніе Думы, отбираетъ ключи у сторожей, удаляетъ ихъ изъ Думы и приступаетъ къ расклейкѣ Высочайшаго указа. Въ то же время усиливается полицейская охрана дома народныхъ представителей, — выстраивается передъ нимъ полицейская стража, а въ сосѣднія съ нимъ казармы вводятся новыя войсковыя части.

Всѣ эти дѣйствія и распоряженія правительства остаются скрытыми для тѣхъ, которыхъ они всего болѣе касаются. Начальникъ полицейской охраны Думы оповѣщенъ о роспускѣ Думы прежде, чѣмъ узнаетъ о немъ предсѣдатель Думы...

Мы не будемъ пока комментировать эти новыя формы, въ которыя было облечено закрытіе первой законодательной сессіи русскаго народнаго представительства, и основанія, ихъ вызвавшія. Мы только скажемъ, что не можемъ назвать актъ, который принимаетъ такія формы, актомъ конституціоннымъ.

А. С. Алексѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

С. Лопасня
14 іюля 1906 г.

Итоги думской работы.

Оцѣнка того, что далъ въ историческихъ судьбахъ Россіи періодъ, начавшійся 27 апрѣля 1906 г. и закончившійся указомъ о роспускѣ Думъ,—это дѣло отдаленнаго будущаго, какъ возстановится правильная перспектива, столь недосягаемая намъ, свидѣтелямъ и участникамъ, и когда пережитый періодъ станетъ лишь однимъ изъ звеньевъ великой цѣпи, связующей старую и новую Россію. Наши взоры тщетно блуждаютъ, стараясь проникнуть въ туманную даль будущаго, стараясь найти въ немъ путеводные огни. И сознаніе этой новой безпомощности заставляетъ снова возвращаться къ вопросу: что потеряли мы въ Думѣ?

У насъ такъ свѣжи въ памяти эти напряженные чувства народнои надежды, которыя проходили лейтъ-мотивомъ во время избирательной кампаніи. Полное обновленіе Россіи на началахъ права и свободы, экономической и духовный подъемъ для всѣхъ, кто несъ на себѣ наибольшую тяжесть прошлаго—вотъ была поставленная цѣль. Широта ея дѣйствовала на чувство отвѣтственности и гражданскаго долга, но она не могла и не смущать: не проявлялась ли здѣсь воспитанная увѣренность въ томъ, что власть всемогуща, и что отъ мановенія руки новой власти могутъ исчезнуть не только застарѣлыя язвы русской государственно-общественной жизни, но и создаться изъ нищеты довольство, изъ хаоса—правовой порядокъ.

Съ сознаніемъ великой возложенной на нихъ надежды, привѣтствуемые Монархомъ, какъ лучшіе люди Россіи, привѣтствуемые непосредственно-радостными кликами петербургскаго населенія, переступали первые русскіе представители порогъ Таврическаго дворца. Всѣ эти крестьяне Великой, Малой и Бѣлой Руси, всѣ эти представители нашихъ исконныхъ областей и нашихъ окраинъ быстро освоились съ

этими залами, запечатлѣнными самымъ тонкимъ вкусомъ и артистическимъ тактомъ XVIII вѣка.

Они почувствовали, хотя, вѣроятно, не сознавая этого въ достаточной мѣрѣ, что надъ ихъ частными, партійными и групповыми интересами возвышается единый основной интересъ—укрѣпленье и ростъ авторитета Думы въ ея цѣломъ, какъ перваго русскаго народнаго представителя. И это сознание объединяющаго и обязывающаго начала сказалось въ единодушно принятомъ отвѣтѣ на тронную рѣчь. Единственно, гдѣ этотъ основной интересъ былъ невольно принесенъ въ жертву укоренившимся навыкамъ разсматривать вещи не по существу—это когда Дума, высказавшись за полную амнистію и отмѣну смертной казни сверху, остановилась передъ тѣмъ, что диктовала моральная послѣдовательность, и не высказалась категорически за амнистію и отмѣну казни снизу. Но мы такъ всё привыкли мыслить не по существу, и прошлое, которое постоянно становится настоящимъ, такъ тяготѣетъ надъ нами.

Отвѣтъ на тронную рѣчь представлялъ цѣлую широкую программу законодательныхъ требованій. Быть-можетъ, части членовъ Думы не была ясна необходимая здѣсь законодательная перспектива,—что требуетъ немедленнаго удовлетворенья и что можетъ быть отсрочено,—но едва ли можно отмѣтить какую-либо утопичность самыхъ требованій. Здѣсь открывалось поле плодотворной работы, но министерство, не внесшее въ Думу никакого законопроекта, прежде всего проявило себя относительно Думы тѣмъ, что на существеннѣйшіе пункты ея программы отвѣтило категорическимъ отказомъ. Будущему историку предстоитъ, вѣроятно, значительное усиліе ума и воображенья, чтобы понять, почему правительство такъ поспѣшило этимъ шагомъ: можно было понять его нежеланье слѣдовать за Думой, но предупредить, что весь ея главный трудъ останется безрезультатнымъ, значило совершать одну изъ тѣхъ ошибокъ, которыя, поговоркѣ, въ политикѣ хуже преступленій.

Начался длительный конфликтъ, который могъ бы подорвать нормальную жизнь представительнаго собранья, находящагося и въ менѣе трудномъ положеніи. Однако Дума съ большою энергіей вступила на путь законодательной работы и, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части признала осуществленье законодательной власти за свою основную

задачу. Попытки слѣва, — обратить думское засѣданье въ митингъ, несмотря на свою психологическую привлекательность, успѣха не имѣли. Когда министерство не сочло возможнымъ ускорить ходъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, то голосъ возмущеннаго чувства уступилъ мѣсто голосу политическаго разума: Дума осталась въ рамкахъ легальной процедуры. Въ Думу внесены были цѣлый рядъ законопроектовъ и образованъ рядъ комиссій. Всѣ участники этихъ послѣднихъ могутъ, конечно, засвидѣтельствовать, насколько обсужденье вопросовъ здѣсь носило спокойный и плодотворный характеръ, и насколько произвольность законодательной работы выигрывала сообразно съ перемѣщеньемъ центра тяжести отъ общихъ засѣданій въ Думѣ къ комиссійной работѣ. Достаточно сравнить общія пренія по аграрному вопросу и дѣятельность аграрной комиссіи. Если эта законодательная дѣятельность Думы, несмотря на крайнее напряженье рабочихъ силъ, шла все же медленно и была не свободна отъ крупныхъ промаховъ, то нельзя забывать одного обстоятельства: не только сохраненіе у власти министерства служило вѣчной угрозой тому, чтобы думскіе законопроекты стали законами, но и самая техническая сторона дѣла, особенно въ болѣе сложныхъ вопросахъ, какъ аграрный, сословный, представляла исключительныя трудности, поскольку вся подготовительная, черновая работа ложилась не на министерство, а на Думу. Отсюда постоянное чувство неудовлетворенности, что драгоценное время уходитъ, а вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность Россіи, такъ медлительно и трудно подвигаются къ этому рѣшенію. Но единственный исходъ здѣсь лежалъ въ томъ, чтобы явилось министерство, не относящееся съ принципиальнымъ отрицаніемъ къ законодательной программѣ Думы. Еще большимъ являлось это препятствіе по пути осуществленья Думой ея и безъ того столь обрѣзаннаго бюджетнаго права.

Наконецъ то, что навлекало на Думу особенныя нареканія, — несмѣтное количество запросовъ, не обобщенныхъ, не всегда достаточно провѣренныхъ, опять-таки истекало изъ того же источника. Если бы правительство въ своей системѣ управления хоть чѣмъ-нибудь показало, что и для него день 27 апрѣля представляетъ переходную точку, если бы видны были усилія согласовать духъ этого управленія

съ новымъ строемъ. А съ другой стороны, этотъ распространенный взглядъ, особенно въ деревнѣ, что за нарушенную справедливость получить удовлетворенія нельзя нигдѣ, кромѣ Государственной Думы. Не будемъ оспаривать, что во время обсужденія этихъ запросовъ значительная часть Думы не проявила ни достаточнаго хладнокровія, ни безпристрастія, что въ вопросы по существу судебного порядка вносились политическія страсти. Все это прискорбно, но все это и достаточно понятно при позиціи, занятой министерствомъ. Обвиненія высказывались бы съ несравненно большимъ сознаниемъ отвѣтственности, если бы конфликтъ исполнительнай и законодательной власти не толкалъ этой послѣдней на путь декларацій митинговаго характера.

И все же большинство Думы стояло на-стражѣ ея достоинства и авторитета, какъ законодательнаго учрежденія, все же оно постоянно исполняло эту трудную и неблагодарную задачу—удерживать ее отъ всякихъ революціонныхъ шаговъ и не жертвовать длительными интересами народнаго представительства въ пользу уступокъ настроеніямъ минуты, хотя бы и самымъ понятнымъ. Какъ разъ передъ роспускомъ это достаточно сказалось въ вопросѣ объ освѣдомленіи народа относительно аграрныхъ работъ въ Думѣ. Большинство достаточно ясно подчеркнуло, что здѣсь нѣтъ ничего общаго съ какимъ-либо революціоннымъ манифестомъ, и что преслѣдуются цѣли прежде всего спокойствія и мира. На почвѣ возбужденнаго спора создалась извѣстная дифференціація среди самой Думы, которая, несомнѣнно, обѣщала въ будущемъ все большую устойчивость и опредѣленность въ сохраненіи чисто-конституціонной тактики. И въ этотъ именно моментъ Дума была распущена.

Въ настоящее время вся officialная и officialная пресса настойчиво повторяетъ, что въ Думѣ не обнаружилось истинно-государственныхъ дарованій, что члены Думы были иностранцами среди русской стихіи и т. п. Конечно, эти обвиненія, исходящія отъ русской бюрократіи, довольно комичны,—ей ли приличествуетъ обвинять другихъ въ бездарности и отсутствіи живой связи съ народомъ. Но пока этимъ обвиненіямъ достаточно противопоставить одно признаніе, которое, кажется, диктуется безпристрастіемъ: Дума не скомпрометировала идеи народнаго представительства въ Россіи, она сдѣлала ее доступной и близкой многимъ

милліонамъ населенія, пребывавшимъ въ вѣковомъ политическомъ рабствѣ. И сколько бы ни было отдѣльныхъ ошибокъ и увлеченій, на своемъ трудномъ историческомъ посту она выказала достаточно искреннее и напряженное стремленіе вывести Россію изъ существующаго рокового кризиса, достаточною готовностью жертвовать своими классовыми и групповыми интересами въ пользу общаго блага. Горько и больно думать, что если бы между ней и Верховной Властью, достоинство которой съ бережнымъ и лойальнымъ почтеніемъ охранялось среди самыхъ бурныхъ и страстныхъ преній, если бы между ними не стояло явныхъ и тайныхъ средостѣній, если бы правительство не отстаивало съ такимъ своекорыстнымъ упорствомъ бюрократическихъ прерогативъ, прикрываясь, по старому обычаю, прерогативами монарха, то открылась бы возможность устранить и конфликтъ, и совокупными усиліями власти и представительства Россіи неизмѣнно двигалась бы по пути мирнаго развитія и политической свободы, и не стояли бы мы, какъ теперь, накануне новыхъ междоусобій, новой анархіи, новаго подъема разрушительной классовой и національной ненависти.

С. Н.

Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи во время революціи *).

Однимъ изъ послѣдствій французской революціи 1789 г. было массовое перемѣщеніе правъ собственности на землю. Землевладѣніе духовенства и дворянства смѣнилось землевладѣніемъ буржуазіи и крестьянъ. По своей быстротѣ и размѣрамъ это перемѣщеніе землевладѣльческихъ правъ отъ однихъ группъ населенія къ другимъ въ предѣлахъ одного и того же общества не имѣетъ себѣ подобія въ исторіи. Оно совершилось вслѣдствіе конфискаціи церковныхъ и эмигрантскихъ имуществъ и путемъ немедленной ихъ распродажи. Въ два приѣма государство сдѣлалось обладателемъ имуществъ, которыя оцѣнивались вмѣстѣ въ 7 милліардовъ, и, однако, этотъ колоссальный фондъ въ очень короткое время почти цѣликомъ ушелъ изъ его рукъ. Какъ случи-

*) Литература: *Duvergier*, Collection complète des lois, décrets etc., P. 1824, томы I—XI. *Buchez et Roux*, Histoire parlementaire de la Révolution, P. 1834, томы 1—40. *Le Moniteur* (Réimpression). *Sagnac*, La législation civile de la Révolution française, 1898. *Gomel*, Histoire financière de l'Assemblée Constituante, 2 тома, 1896 и 1897. *Его же*, Histoire financière de l'Assemblée Législative et de la Convention, 2 тома 1905. *Jaurès*, Histoire Socialiste, v. 1, La Constituante. *Déville*, Histoire Socialiste, v. V, Thermidor et Directoire. *Minzès*, Die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution etc. Iena, 1892. *Loutchitsky*, La petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux, P. 1897. *Луцицкий*, Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи (преимущественно въ Лимузенѣ). К. 1900. *Его же*. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и о продажѣ національныхъ имуществъ. К. 1894. *Rouvière*, L'aliénation des biens nationaux dans le Gard, Nimes 1900. *Lecarpentier*. La propriété foncière du clergé et la vente des biens nationaux etc. Revue historique 1901 sept.—déc. *Avenel*, Lundis Révolutionnaires, 1875. *Malon*. L'agiotage de 1715 à 1870, P. 1885. *Legeay*, Documents historiques sur la vente des biens nationaux dans la Sarthe, 1885—87.

лось, что государство не удержало его для социальных задач своего времени и для нужд будущих поколений, это мы намѣрены показать въ настоящей статьѣ.

I.

2 ноября 1789 г. Национальное Собрание постановило, что нація въ правѣ распорядиться церковными имуществами. Къ такому рѣшенію Собрание приведено было прежде всего финансовыми соображеніями: нужно, говорилъ Талейранъ 10 октября 1789 года, уменьшить тяжесть налоговъ; народъ дальше выносить ея не можетъ, тѣмъ менѣе можно думать о повышеніи ихъ; нужно возстановить равновѣсіе въ финансахъ; въ церковныхъ имуществахъ готовое для этого средство. Къ тому же рѣшенію приводили политическія соображенія: всѣ сословія и корпораціи, говорилъ Le Chapelier, уничтожены во имя безопасности государства; если сохранить церковныя имущества неприкосновенными, духовенство останется попрежнему сословіемъ, независимымъ отъ государства, и политическая система, воздвигаемая Собраніемъ, будетъ только дезорганизована. И наконецъ экономическія соображенія побуждали къ тому же. Во имя общественнаго интереса, говорилъ Thouret, нельзя дозволить юридическимъ лицамъ владѣть недвижимостями; во Франціи огромное населеніе, преимущественно земледѣльческое; оно заинтересовано въ распространеніи частной собственности, въ уменьшеніи числа неимущихъ, безразличныхъ къ общественному порядку и опасныхъ въ періоды бѣдствій и броженія. Нужно также обратить все вниманіе на увеличеніе производительности почвы, а для этого необходимо дать землѣ настоящихъ собственниковъ на мѣсто фиктивныхъ, которые представлены управляющими или пожизненными владѣльцами.

Такъ нація объявила себя верховною распорядительницею церковныхъ имуществъ. 14 ноября 1789 года Неккеръ, докладывая Собранію, что необходимо покрыть дефицитъ въ бюджетѣ на текущій и слѣдующій годы въ 170 милліоновъ, указалъ на продажу части церковныхъ имуществъ и имуществъ короны, какъ на источникъ для пополненія дефицита. Но Национальное Собрание стремилось подчинить финансовое управленіе страню народному пред-

ставительству, и потому его финансовый комитетъ поспѣшилъ выступить съ болѣе радикальнымъ предложеніемъ,— ускорить по возможности погашеніе государственнаго долга, а для этой цѣли продать имуществовъ на 400 милліоновъ въ теченіе 4 лѣтъ. Изъ этого предложенія вытекъ декретъ отъ 19 декабря 1789 г.: учреждается касса чрезвычайныхъ поступленій, куда должны стекаться, между прочимъ, и деньги, выручаемая отъ продажи доменъ короны и части церковныхъ имуществовъ, въ общемъ на 400 милліоновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ на эту кассу будутъ выпущены 5% ассигнаціи на сумму не свыше 400 милліоновъ; ассигнаціи эти будутъ приниматься въ уплату при покупкѣ означенныхъ имуществовъ и будутъ погашены частями съ 1791 до 1795 г.

Отъ словъ къ дѣлу Национальное Собраніе перешло только въ апрѣлѣ 1790 г., когда оно открыто конфисковало церковныя имущества. Поводъ къ этому дало обсужденіе проекта выпуска 400 милліоновъ ассигнацій. Если вы хотите, говорилъ Prieur de la Marne, чтобы бумажныя деньги разматривались, какъ равныя металлическимъ, то нужно обезпечить ихъ специальной ипотекой, цѣнность которой стояла бы внѣ сомнѣній; а для этого необходимо открыто объявить церковныя имущества собственностью націи. То же находилъ и комитетъ для упраздненія десятины; его докладчикъ Chasset вычислялъ въ Собраніи, что чистый доходъ съ церковныхъ имуществовъ составляетъ 170 милліоновъ; содержаніе культа же требуетъ всего около 134 милл.; поэтому будетъ прямо выгодно принять расходы на культъ на счетъ государства, наравнѣ съ расходами на армію и администрацію, а церковныя имущества и доходы съ нихъ обратить въ собственность государства; въ принципѣ это уже декретировано 2 ноября 1789 г., „но тотъ декретъ останется мертвою буквою, пока вы не отнимете у духовенства его имущества; враги революціи все еще надѣются, что вы на это не рѣшитесь“. Treilhard, Roederer, Thouret доказывали, что общественный интересъ требуетъ окончательной экспроприаціи церковныхъ имуществовъ, потому что это единственное средство освободить государство отъ долговъ и возстановить финансы, не отягощая народъ налогами. Оппозиція энергично протестовала; она находила мѣру несправедливой и опасной; она видѣла въ ней нарушеніе права собственности, противорѣчіе волѣ Франціи, насколько эта

воля выразилась въ наказахъ, потому что ни въ одномъ изъ нихъ „ограбленіе“ церкви не требовалось. Оппозиція, по-видимому, не предполагала даже, что имущества будутъ сполна распроданы; она возражала больше противъ передачи церковныхъ имуществъ въ управленіе департаментскихъ властей, находя, что такая передача ничѣмъ не оправдывается, что эти должностныя лица не заинтересованы въ томъ, чтобы извлекать изъ имуществъ наибольшій доходъ, и не сумѣютъ вовсе хорошо управлять ими. Оппозиція далѣе настаивала, что чистый доходъ съ церковныхъ имуществъ далеко не такъ великъ; она предсказывала, что его не хватитъ на покрытіе расходовъ на культъ; придется увеличить для этой цѣли налоги. Печально, говорили ораторы оппозиціи, что Собраніе видитъ въ конфискаціи церковныхъ имуществъ единственную доску спасенія для финансовъ; смотрите, предрекалъ de Boisgelin, какъ бы церковныя имущества не оказались для націи тѣмъ, чѣмъ были для Испаніи перуанскія золотыя росыши. Оппозиція не ограничивалась одними протестами, образчикомъ которыхъ можетъ служить возгласъ Cazalès'a: „Вы оправдываете ваши мѣропріятія общественнымъ интересомъ, но какъ безумны капиталисты, которые васъ подталкиваютъ; они забываютъ, что всѣ виды собственности соприкасаются, и что достаточно нарушить одинъ, чтобы заколебались всѣ“. Она предложила и положительную мѣру: оставить духовенству его имущества и уполномочить его занять подъ залогъ этихъ имуществъ 400 милл., которые оно внесетъ въ казну и затѣмъ само погаситъ продажею части своихъ имуществъ. Это было, несомнѣнно, въ финансовомъ отношеніи вполне цѣлесообразное предложеніе; но конфискація церковныхъ имуществъ представлялась столь тѣсно связанною съ успѣхомъ политическаго и соціальнаго переворота, что предложеніе церковнаго займа осталось даже не обсужденнымъ. Декретъ 17/22 апрѣля 1790 г. объявилъ долги духовенства, обезпеченные его имуществами, національными долгами; кредиторовъ церкви—кредиторами государства, а имущества, подлежащія продажѣ по декретамъ 19 декабря 1789 г. и 17 марта 1790 г., свободными отъ всякаго залога и запрещенія. Долги духовенства составляли, по вычисленію Montesquieu въ августѣ 1790 г., 149.435.000 ливр. Сторонники духовенства протестовали и противъ этого освобожденія церковныхъ

имущество отъ специальныхъ ипотекъ. Кредиторы по закладнымъ, говорили они, довольствовались $4\frac{1}{2}\%$, потому что имѣли специальное обезпеченіе — церковныя земли; теперь ихъ смѣшаютъ со всюю массою государственныхъ кредиторовъ. Это просто грабежъ. Но и этотъ протестъ прозвучалъ безъ всякаго успѣха. Декретъ $20\frac{1}{22}$ апрѣля 1790 г. окончательно поставилъ церковныя имущества подъ управленіе департаментовъ и дистриктовъ.

Сама по себѣ конфискація церковныхъ имуществъ еще не означала непременно ихъ распродажу: можно было бы сохранить ихъ въ видѣ государственнаго земельного фонда для эксплуатаціи и извлеченія дохода. Но недовѣріе къ общественному хозяйству при старомъ режимѣ и вѣра въ спасительное дѣйствіе личной предпримчивости были столь велики, что о сохраненіи земельного фонда не могло быть и рѣчи. Для государства, говорилъ La Rochefoucauld въ Національномъ Собраніи 13 іюня 1790 года, выгоднѣе имущества не сохранить, а распродать; мало того, что такимъ путемъ будетъ погашенъ долгъ, по которому приходится платить проценты болѣе высокіе, чѣмъ доходъ съ имущества, но еще увеличится общая масса богатствъ въ странѣ, потому что на мѣсто общественнаго управленія станетъ болѣе дѣятельный личный интересъ. Нужно призвать къ землевладѣнію возможно большее число гражданъ, а для этого нужно сдѣлать льготными условія покупки и раздробить продающіяся имущества такъ, чтобы и бѣднякъ могъ приобрести себѣ клочокъ. Противъ общественнаго управленія и въ пользу частнаго, но крупнаго землевладѣнія, говорилъ въ томъ же засѣданіи Талейранъ. Судьба имуществъ была рѣшена безповоротно: они будутъ распроданы.

Національнымъ Собраніемъ всецѣло овладѣла мысль, что имущества необходимо продать и заплатить государственные долги; оно совсѣмъ не останавливается на изысканіи способа пересрочить платежи по этимъ долгамъ. Церковныя имущества являются для него прежде всего колоссальнымъ фондомъ для погашенія долговъ; продажа ихъ — самый короткий и покойный для этого путь. Нѣтъ надобности задаваться вопросомъ, въ какой мѣрѣ отдѣльные члены Національнаго Собранія представляли интересы кредиторовъ казны; мы знаемъ только навѣрное, что третье сословіе было главнымъ государственнымъ кредиторомъ. Предотвращеніе бан-

кротства справедливо отождествлялось съ успѣхомъ революціи; призракъ государственнаго банкротства вынудилъ старый режимъ пойти на уступки; народное представительство обязано было на рѣшеніи финансоваго вопроса показать свое преимущество. Но представляло ли немедленное погашеніе долговъ единственный выходъ изъ положенія? Во всякомъ случаѣ таково было господствующее мнѣніе; всякое другое могло казаться подвижимымъ желаніемъ доставить торжество контръ-революціи. И теперь еще, и даже у противниковъ буржуазіи, у такого писателя, какъ Жоресъ, мы встрѣчаемъ повтореніе того же взгляда: національными имуществами обязательно нужно было погасить государственные долги, а для этого продать ихъ быстро и за наличныя деньги.

Продажа и только продажа; ни о чемъ другомъ не хотѣть и слышать. La Rochefoucauld предлагаетъ 13 іюня 1790 г. сохранить въ распоряженіи націи хотя бы тѣ части національныхъ имуществъ, которыя не приносятъ никакого дохода, каковы ланды и болота, которыя при продажѣ все равно пойдутъ ни за что; онъ намѣренъ со временемъ внести проектъ передачи ихъ нуждающемуся классу населенія для обработки. Предложеніе La Rochefoucauld остается безъ обсужденія. Онъ повторяетъ его въ іюль отъ имени комитета о нищенствѣ, воспроизводя мысли членовъ королевскаго сельскохозяйственнаго общества: первые кредиторы націи — это руки, требующія работы, и земля, ожидающая рукъ; государство обязано заботиться о пропитаніи бѣдняка; нужно, чтобы бѣдняки стали собственниками, нужно искоренить нищенство и безработицу; нельзя, чтобы труженику не было обезпечено пропитаніе гдѣ-нибудь въ странѣ. Разумная политика состояла бы въ безвозмездной раздачѣ части пустопорожныхъ земель и болотъ бѣднымъ семьямъ и въ оказаніи имъ помощи на обзаведеніе. Другого такого случая, говоритъ La Rochefoucauld, для борьбы съ бѣдностью путемъ увеличенія числа собственниковъ не представится. Національное Собраніе должно имъ воспользоваться. 15 или 20 милліоновъ арпановъ, входящихъ въ составъ доманіальныхъ имуществъ, лежатъ безъ обработки подъ ландами и болотами или вслѣдствіе тираніи обычаевъ; ихъ нужно передать нуждающимся для обработки. Въ Національномъ Собраніи эти мысли не находятъ себѣ отклика.

Впрочемъ, не только вслѣдствіе рѣшимости все продать для расплаты съ долгами: гдѣ возьметъ фабрикантъ рабочія руки, вопрошаетъ тотъ же докладчикъ, если всѣ будутъ находить работу у себя дома? Въ Якобинскомъ клубѣ Польверель высказывается 25 іюня 1790 года о мысли оставить часть земель для бѣдныхъ: конечно, если уже оставлять что-нибудь, то отнюдь не въ общественномъ управленіи, а передать въ частную собственность; но ораторъ думаетъ, что вообще приходить на помощь бѣдному населенію слѣдуетъ не надѣленіемъ землею, которой все равно не можетъ хватить на всѣхъ нуждающихся; нужно обезпечить имъ трудъ и соотвѣтствіе заработной платы съ потребностями; нужно устроить общественныя мастерскія; но земли... земли надо продать.

II.

Мысль о продажѣ во что бы то ни стало, потому что продажа дастъ деньги для уплаты долговъ, настолько господствовала надъ всѣми другими соображеніями, что изъ всей массы имуществъ какъ бы сами собою выдвинулись на первую очередь не земли, а болѣе привлекательныя для капиталистовъ городскія зданія. Еще 18 декабря 1789 г. Treilhard говорилъ въ Національномъ Собраніи, что можно будетъ продать на 400 милл. имуществъ безъ того, чтобы лица, пользующіяся доходами отъ церковныхъ имуществъ, даже ощутили какую-нибудь разницу, потому что въ одномъ Парижѣ найдется на 150 милліоновъ зданій упраздненныхъ монашескихъ орденовъ. И давленіе на Собраніе, чтобы скорѣе организовать продажу, исходитъ прежде всего отъ горожанъ: 10 марта 1790 г. Байльи, въ качествѣ парижскаго мэра, докладываетъ собранію, что въ Парижѣ можетъ быть продано 27 зданій. Ему же принадлежитъ инициатива финансовой комбинаціи, которая легла въ основаніе порядка продажи: парижскій муниципалитетъ пріобрѣтаетъ на 200 милл. имуществъ и выдаетъ государству на 150 милл. 5% облигаціи, погашаемыя въ теченіе 15 лѣтъ равными частями; подъ эти облигаціи касса чрезвычайныхъ поступленій выпускаетъ на 150 милл. кредитныхъ билетовъ; городъ распродаетъ купленные имущества и по мѣрѣ распродажи выплачиваетъ государству остальные 50 милл., но удерживаетъ въ свою пользу 12 милл. въ вознагражденіе за пользованіе

его кредитомъ и за расходы; эти деньги, говоритъ Байльи, пойдутъ на общественныя работы, потому что справедливо вообще вознаграждать парижанъ за убытки, которые они несутъ вслѣдствіе революціи. Противъ комбинаціи Байльи возражаютъ (Dupont de Nemours, Pétion и др.), что предлагаемая продажа церковныхъ имуществъ муниципалитетамъ является чисто фиктивной операціей, что странно искать для государственнаго кредита опоры въ кредитѣ городовъ; что если ассигнаціи не внушать довѣрія, то и билеты, выпущенные подъ муниципальныя облигаціи, не помогутъ. Но въ пользу посредничества городовъ выступаетъ Туре: чтобы поддержать довѣріе къ ассигнаціямъ, необходимо, чтобы продажа обезпечивающихъ ихъ имуществъ совершалась въ возможно выгодныхъ условіяхъ; найти на 400 милл. покупателей мудрено, потому что многіе не пожелаютъ быть непосредственными правопреемниками церкви; если же продажа не пойдетъ, то кредитъ ассигнацій рухнетъ вовсе. Эта опасность устраняется созданіемъ посредниковъ между государствомъ и церковью, съ одной стороны, и новыми пріобрѣтателями съ другой, и такими посредниками могутъ быть не только муниципалитеты большихъ городовъ, но всѣ муниципалитеты королевства. Результатами мѣры будетъ, во-первыхъ, полная экспропріація духовенства, потому что въ лицѣ муниципалитетовъ явятся новые собственники; во-вторыхъ, возрастетъ довѣріе частныхъ лицъ, которыя начнутъ покупать скорѣе послѣ перемѣны въ лицѣ собственника; въ-третьихъ, ускорятся продажи и поступленіе денегъ для погашенія ассигнацій.

Соображенія Туре рѣшили дѣло. Декретъ 17—24 марта постановляетъ продать имущества на 400 милл. муниципалитетамъ Парижа и всѣхъ другихъ коммунъ. Насколько во всей этой комбинаціи заинтересована была богатая городская буржуазія, видно изъ того, что 9—25 апрѣля Национальное Собраніе потребовало, чтобы муниципалитеты до продажи представили ручательство извѣстныхъ капиталистовъ въ уплатѣ по своимъ облигаціямъ. Loustalot, редакторъ газеты „les Révolutions de Paris“, писалъ, что весь проектъ внушенъ Байльи членомъ муниципалитета, архитекторомъ, который нагрѣетъ себѣ на операціи руки.

Общественное мнѣніе въ лицѣ того же Лустало въ томъ же мартѣ 1790 г. псбуждаетъ Собраніе приступить и къ

продажѣ сельскихъ имуществъ: на нихъ легче найдется покупатель, чѣмъ на дорогія городскія зданія; нужно только раздробить ихъ на участки помельче и продавать преимущественно тѣмъ, кто предложитъ наличныя деньги. Такъ и этотъ революціонный публицистъ, увѣряющій, что „для привлечения покупателей нужно учредить истинный національный судъ и отнять у аристократовъ возможность вредить“, — и онъ думаетъ прежде всего о финансахъ.

Забота объ урегулированіи финансовъ стоитъ на первомъ планѣ во всѣхъ мѣропріятіяхъ Національнаго Собранія при организаціи продажи національныхъ имуществъ. Правда, приступая къ этой организаціи для первой серіи на 400 милл., оно, въ декретѣ 14—17 мая 1790 г., объясняетъ, что операція эта преслѣдуетъ двѣ цѣли — установленіе порядка въ финансахъ и „счастливое увеличеніе, въ особенности среди сельскихъ жителей, числа собственниковъ путемъ облегченій при покупкахъ; для этой цѣли имущества дробятся, и покупателямъ даются достаточныя разсрочки платежа, а сдѣлки по продажѣ и перепродажѣ освобождаются отъ ненужныхъ стѣсненій и расходовъ“.

Еще не началась продажа первой серіи, мѣсяць съ небольшимъ спустя, Національное Собрание принимаетъ рѣшеніе распродать уже всѣ національныя имущества; въ этой распродажѣ оно видитъ, по словамъ декрета 9—25 іюля 1790 г., лучшее средство погасить большую часть государственнаго долга; но оно желаетъ также „оживить земледѣліе и промышленность, оказать содѣйствіе росту общей массы богатствъ путемъ обращенія этихъ національныхъ имуществъ въ частную собственность, которая всегда лучше управляется, и путемъ облегченія многимъ гражданамъ возможности стать собственниками“. Однако уже въ теченіе 1790 г. Собрание своими мѣропріятіями показало, что его двѣ задачи для него не равноцѣнны; въ декретѣ 3 іюля 1791 г. оно попрежнему повторяетъ, что его постоянно озабочиваетъ желаніе увеличить число собственниковъ, что оно не переставало всѣми своими распоряженіями стремиться къ возможно большому дробленію національныхъ имуществъ, но уже сознается, что эти намѣренія подчинялись еще болѣе повелительной, болѣе священной обязанности погасить государственный долгъ.

Въ чемъ же заключались мѣропріятія Національнаго Собранія въ видахъ дробленія національныхъ имуществъ и облегченія покупокъ? По декрету 14—17 мая 1790 г. публичные торги открываются одновременно и на все имущество, оцѣненное какъ одно цѣлое, и на его составныя части; и если въ моментъ окончанія торгова суммъ частичныхъ предложеній равна суммѣ, предложенной за цѣлое, то преимущество должно быть оказано покупщикамъ въ розницу. Очевидно, что уже эта льгота была чисто платоническая, потому что она обязывала покупщиковъ въ розницу конкурировать съ покупщикомъ цѣлаго имѣнія; достаточно было легкой надбавки со стороны капиталиста, желавшаго приобрести цѣлое, чтобы изъ намѣренія раздробить собственность ничего не вышло. Нѣсколько больше сдѣлало Національное Собрание въ декретѣ 9—25 іюля 1790 г., предписавъ, чтобы при составленіи оцѣнокъ „предметы, насколько это позволяетъ ихъ природа, дѣлились для того, чтобы, насколько это возможно, облегчить маленькія предложенія и увеличить число собственниковъ“. Спрашивается, если въ имѣніи нѣсколько тысячъ арпановъ, то слѣдуетъ ли раздробить землю на мелкіе участки, оставивъ только нѣсколько сотъ арпановъ при фермѣ? Такого рода дробленіе не было вовсе предписано, и прежде даже чѣмъ могли начаться продажи въ дѣйствительности, 3 ноября 1790 г., новый декретъ опредѣлялъ, что одинъ оцѣночный участокъ образуется изъ совокупности вещей, входящихъ въ составъ одной фермы, или же *эксплуатируемыхъ однимъ лицомъ*.

Изъ этого ясно, что если Національное Собрание и хотѣло увеличить число собственниковъ, то, во всякомъ случаѣ, созданіе класса мелкихъ землевладѣльцевъ, расширеніе площади собственно крестьянскаго землевладѣнія, не входило вовсе въ его задачи. Отчасти это объясняется тѣмъ, что господствовавшія въ то время экономическія воззрѣнія отдавали во всѣхъ отношеніяхъ предпочтеніе крупному хозяйству предъ мелкимъ. Подъ влияніемъ этихъ воззрѣній въ послѣднія десятилѣтія предъ революціей во Франціи наблюдается, на ряду съ упадкомъ земледѣлія во однихъ мѣстахъ, развитіе сельскохозяйственнаго капитализма въ другихъ. Въ это время выросъ теоретическій интересъ къ земледѣлію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ дѣятельность королевскаго

сельскохозяйственного общества, учрежденного въ 1785 г.; оно призываетъ естествознание и промышленность прийти на помощь отдаленнымъ отъ Парижа провинціямъ, гдѣ культура запущена, и гдѣ обширное поле для **интенсивной и научной культуры**. Объ этомъ свидѣтельствуеи и дѣятельность правительства, которое черезъ посредство интендантовъ и провинціальныхъ собраній распространяетъ инструкціи о наилучшихъ методахъ увеличенія площади естественныхъ и искусственныхъ луговъ. Въ нѣкоторыхъ наказахъ десятинный налогъ осуждается не столько за его несправедливость, сколько за то, что онъ противенъ успѣхамъ культуры. Рядомъ съ теоретическимъ интересомъ къ сельскому хозяйству идетъ теоретическое обоснованіе прилива капитала къ земледѣлю. Физиократы строго различаютъ между авансами, которые собственникъ вкладываетъ въ землю, первоначальные и ежегодные; въ своихъ „элементахъ сельскохозяйственной философіи“ Мирабо-отецъ находитъ, что значительный оборотный капиталъ есть необходимое условіе хорошей культуры; землевладѣлецъ уже исчерпалъ свои средства первоначальнымъ авансомъ, и тѣмъ онъ какъ бы уже выполнилъ свою социальную функцію; слѣдующіе авансы должны поставлять богатые арендаторы. И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ передъ революціей вырастаетъ классъ крупныхъ арендаторовъ, снимающихъ много имѣній, частью для непосредственной эксплуатаціи, частью для передачи въ аренду *). Развитие сельскохозяйственного капитализма сказывается на положеніи крестьянъ: ихъ наказы жалуются, что населеніе сгоняется съ насиченныхъ мѣстъ. То землевладѣлецъ сноситъ хуторскія избы и сдаетъ землю участками арендаторамъ, у которыхъ уже есть свое хозяйство и которые такимъ путемъ расширяютъ свои операціи; то онъ и самъ на мѣсто нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ заводитъ одну большую и центральную ферму. Наказы встаютъ противъ такихъ пріемовъ „сниманія“ и требуютъ государственнаго вмѣшательства, чтобы прекратить разрушеніе жилищъ.

Но не тѣмъ вовсе занято Національное Собраніе. Оно идетъ навстрѣчу требованіямъ крестьянства освободить

*) Ср. М. М. Ковалевскій. Соціальное законодательство Конституанты, въ „Сборникѣ правовѣднія“ т. I., стр. 45.

землю отъ феодальныхъ повинностей; но его нисколько не озабочиваетъ мысль о расширеніи мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Безъ сомнѣнія, Талейранъ былъ выразителемъ господствующаго въ Собраніи взгляда, когда 13 юля 1790 г., настаивая, что необходимо облегчить приобрѣтеніе національныхъ имуществъ кредиторамъ государства, что эти кредиторы имѣютъ право требовать себѣ доли **имущества**, пропорціональной ихъ претензіямъ,—онъ прибавлялъ, что нація должна освободиться отъ долговъ, между прочимъ, и въ интересахъ сельскаго хозяйства, потому что кто можетъ сомнѣваться, что „для деревень выгодно близость жилищныхъ землевладѣльцевъ, богатыхъ средствами и знаніями“. Съ другой стороны, референты въ сельскохозяйственномъ обществѣ 27 мая 1790 г. считали нужнымъ оправдывать право мелкихъ хозяйствъ на существованіе рядомъ съ крупными тѣмъ, что вѣдь и въ природѣ рядомъ съ дубами встрѣчаются кусты и растеньица.

Физиократическія воззрѣнія о преимуществахъ крупнаго хозяйства, соображеніе, что расширеніе мелкаго землевладѣнія влечетъ за собою уменьшеніе рабочей арміи, въ которой нуждается промышленность,—уже этого было достаточно, чтобы поощреніе мелкихъ покушниковъ національныхъ имуществъ не вызывало большого энтузіазма въ Собраніи. Финансовыя соображенія сдѣлали остальное, чтобы заставить Национальное Собраніе очень скоро пожертвовать интересами мелкихъ покушниковъ: льготы, обѣщанныя въ маѣ 1790 г., взяты были назадъ въ ноябрѣ.

Декретъ 14—17 мая 1790 г. требовалъ, чтобы покушникъ пахотныхъ земель, луговъ, виноградниковъ и сельскохозяйственныхъ построекъ вносилъ въ двухнедѣльный срокъ со дня торга 12⁰/₀ покупной цѣны; остальная сумма разсрочивалась на 12 лѣтъ съ начисленіемъ 5⁰/₀ годовыхъ. Но не успѣли приступить къ продажамъ, какъ противъ разсрочекъ поднялись возраженія. Нельзя понять, говорилъ Польверель въ Якобинскомъ клубѣ 25 іюня, какъ нація, которая должна два миллиарда и у которой нѣтъ другихъ ресурсовъ, кромѣ продажи имуществъ, можетъ давать покущикамъ 12 лѣтъ на расплату. Бѣднякамъ можно будетъ дать льготы позже, при слѣдующихъ продажахъ, когда останутся еще не уплаченными долги, заключенные въ формѣ вѣчной ренты, но не теперь. Конечно, было бы лучше,

если бы капиталисты не имѣли никакихъ преимуществъ при покупкѣ съ самаго начала; но неравенство въ недвижимой собственности есть послѣдствіе неравенства денежныхъ богатствъ; а народное благосостояніе и земледѣліе, несомнѣнно, выиграютъ отъ превращенія кассъ и портфелей въ земельныя владѣнія. Въ Національномъ Собраніи Pinteville-Sergnon настаиваетъ, что первая и существенная задача—финансовая; что это большая ошибка, когда думаютъ, что поправленіе финансовъ будетъ простымъ послѣдствіемъ операціи; нѣтъ, оно составляетъ главную ея цѣль. Слѣдствіемъ этихъ протестовъ противъ отклоненія отъ основной задачи, расплатиться съ долгами, является декретъ 3—17 ноября. Онъ вноситъ существенное ограниченіе въ правила о разсрочкахъ. 12 лѣтъ остаются только для тѣхъ, кто купить на торгахъ до 15 мая 1791 г., а послѣ того обязательно будетъ при покупкѣ вносить не 12⁰/₀, а 20⁰/₀, и затѣмъ погасить всю сумму въ 4¹/₂ года. Это тотъ самый декретъ, который выставилъ, какъ „общее, повелительное и точное“ правило, чтобы въ одинъ оцѣночный участокъ входила вся совокупность вещей, образующихъ одну ферму или эксплуатируемыхъ однимъ лицомъ. Инструкція 3 іюля 1791 г. поясняетъ это правило: если имѣніе въ арендѣ, то какъ бы незначительно ни было количество имуществъ, сданныхъ по одному договору, они должны составлять одинъ оцѣночный участокъ; если имѣніе не въ арендѣ и обрабатывается большимъ числомъ отдѣльныхъ лицъ, то каждое хозяйство, какъ бы оно ни было мало, также составляетъ одинъ оцѣночный участокъ; но зато и наоборотъ: если одно лицо эксплуатируетъ большее пространство, то какъ бы ни была велика ферма, она составляетъ опять—таки одинъ участокъ. Нельзя,—говоритъ инструкція,—дробить имѣнія до безконечности, потому что если бы позволено было разлагать хозяйство на значительное число участковъ, то пострадали бы интересы націи: цѣнные участки были бы проданы, а менѣе цѣнные остались бы у казны на рукахъ.

Таковы были тѣ правила для продажи національныхъ имуществъ, которыя, по крайней мѣрѣ на словахъ, поощряли мелкихъ покупателей. Если же мы обратимся къ реальнымъ условіямъ, въ которыхъ производились покупки, то увидимъ, что то, что сдѣлано было въ этомъ направленіи Національнымъ Собраніемъ, было поистинѣ ничтожно. Прежде всего

самый способъ продажи съ торговъ долженъ былъ влечь за собою взвинчиваніе цѣнъ, и мелкій покушникъ въ разсрочку рисковалъ только затянуть петлю, въ которую онъ попадалъ. Собраніе не организовало вовсе кредита, который облегчалъ бы нуждающимся покупки: разсчитывали только на самодѣятельность, на то, что „честные люди сумѣютъ найти другихъ, которые имъ повѣрятъ сколько нужно для перваго взноса, и затѣмъ изъ продуктовъ своего труда и урожаявъ найдуть средства, чтобы въ нѣсколько лѣтъ погасить покупную цѣну“. Между тѣмъ мало того, что въ то время уже существовали въ Европѣ учрежденія поземельнаго кредита, которыя могли бы быть взяты за образецъ (прусскія *Landschaften*, правда, только сословныя, дворянскія организациі), но въ самомъ Національномъ Собраніи Петіонъ выступилъ 27 марта 1790 г. съ предложеніемъ образовать территоріальныя кассы для ипотечнаго кредита въ видахъ облегченія покупокъ; однако это предложеніе осталось даже безъ обсужденія. Кромѣ того процентъ за разсрочку—5% былъ, несомнѣнно, чрезчуръ высокъ, потому что всѣ въ то время опредѣляли доходъ съ земель ниже процента на денежный капиталъ; въ 3½% опредѣлялъ его Петіонъ. Въ виду всего этого очень возможно, что когда въ іюлѣ 1791 г. Національное Собраніе жалуется, что на торги является много неплатежеспособныхъ, то здѣсь дѣло не въ однихъ злоупотребленіяхъ; возможно, что на продаваемыя земли набрасывались и мелкіе земледѣльцы, не разсчитавшіе своихъ силъ.

Итакъ, то, что Національное Собраніе сдѣлало для облегченія крестьянскихъ покупокъ преднамѣренно, было совершенно незначительно; и если, тѣмъ не менѣе, крестьяне все же могли принять участіе въ покупкахъ, то было это слѣдствіемъ другого мѣропріятія, только косвенно связаннаго съ продажей національныхъ имуществъ. У сельскаго населенія оказались свободныя деньги вслѣдствіе отмѣны десятиннаго налога, а также потому, что народъ фактически пересталъ платить налоги и повинности какъ феодальныя, такъ и поземельныя. Въ принципѣ десятина была отмѣнена еще 4 августа 1789 г., но оставался еще нерѣшеннымъ вопросъ, отмѣнена ли она даромъ, или плательщиковъ ея заставить ее выкупать. Десятина принадлежала церкви и шла на расходы по содержанію культа. Объявляя 2 ноября 1789 года

церковныя имущества поставленными въ распоряженіе націи, Національное Собраніе приняло взазмѣнъ этого расходы на культъ на счетъ государства. Отказаться отъ десятины значило сдѣлать плательщикамъ ея, т.-е. землевладѣльцамъ, подарокъ въ 100 милл. ливровъ въ годъ; но это значило на 100 милл. обременить государственный бюджетъ. Сторонники отмѣны десятины безъ выкупа увѣряли, что государство можетъ отказаться отъ этого налога, потому что доходы отъ церковныхъ имуществъ дадутъ еще свободный остатокъ въ 50 милл. Противъ даровой отмѣны говорили, что десятина не налогъ, а реальная повинность, связанная съ землевладѣніемъ; что объ освобожденіи отъ нея землевладѣльцы никогда и не мечтали, и что незачѣмъ оказывать имъ благодѣяніе на счетъ другихъ гражданъ. На это возражали, что отказъ отъ налога въ 100 милл. съ землевладѣльцевъ составитъ облегченіе для націи вообще; что несправедливо заставлять однихъ землевладѣльцевъ оплачивать культъ, а, главное, невозможно обманывать надежды, созданныя 4 августа 1789 года: если постановить, что десятина должна быть выкуплена, а до тѣхъ поръ ее слѣдуетъ платить, это вызоветъ въ крестьянствѣ страшное недовольство. Національное Собраніе послушалось сторонниковъ даровой отмѣны. Въ моментъ, когда его угнетали заботы о поправленіи финансовъ, оно вычеркиваетъ изъ бюджета 100 милл. дохода и вноситъ въ него расходъ въ 135 милл. на культъ. Эта непоследовательность была результатомъ иллюзіи, что національныя имущества, стоимость которыхъ опредѣлялась въ 4 миллиарда, составляютъ бездонный колодець откуда можно будетъ черпать, сколько угодно. Много зла причинила Франціи эта иллюзія... Законъ 20 апрѣля 1790 г. постановилъ, что десятина взимается въ текущемъ году въ послѣдній разъ и съ 1 января 1791 г. отмѣняется вовсе. Фактически ее перестали платить уже въ 1790 г., и въ рукахъ земледѣльческаго населенія въ 1790 и 1791 гг. осталось неожиданно по 100 милл. ливровъ.

М. Брунь.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Къ вопросу о религии и общественнойности.

(Между двухъ полуистинъ). -

(Окончаніе. См. № 17).

Душа революціонизма горитъ жаждой огня попяляющаго, жаждой пламенныхъ, молніеносныхъ озареній, мгновенныхъ преображеній, дерзновенно посягаетъ на чудодѣйствіе, на чудотворное завершеніе исторіи въ послѣднемъ аккордѣ вѣнчающей правды. Все это здѣсь таится въ сферѣ безсознательнаго, но живого и дѣйствительнаго душевнаго броженія. Здѣсь скрыта страстно-изнуряющая, всепоглощающая жажда освобожденія, не „освобожденскаго“, но абсолютнаго, жажда живого абсолюта, всеразрѣшающаго, всеисцѣляющаго, всеспасающаго освобожденія. Отъ этого чуть не сошелъ съ ума Л. Толстой, для этого ждалъ послѣднихъ осіяній своей религіозной осанны Достоевскій, это же довело до безумія вѣчно-трепещущаго Гл. Успенскаго, этимъ же болѣлъ и отъ того въ отчаяніи бросился въ пролетъ лѣстницы Вс. Гаршинъ, и все та же смутная тревога о подвигѣ послѣдняго усилія привела дѣятелей 1 марта на эшафотъ, и многихъ-многихъ другихъ замучила мукой мученической. Ужасъ невѣрія въ такое освобожденіе источилъ душу Чехова острой болью вѣчной тоски, оно же много ранѣе сдѣлало Тургенева скептикомъ и пессимистомъ, холодомъ могилы объяло еще живую и мощную душу Герцена. И развѣ Герцена, тоскующаго на дымящихся развалинахъ его когда-то такихъ цвѣтущихъ идеаловъ, спасло бы обаяніе истины реальной политики!.. Грубый вопросъ, но неизбѣжный на томъ пути, по которому пойдутъ освобождающіеся „освобожденіемъ“.

И нельзя же около этого пламени палящаго огня трагически-мятущей души русской жизни *просто* поставить для нагрѣванія прекрасно-устроенную культурную печь съ регуляторомъ для гигиеническаго соціально-политическаго отопленія, хотя бы и всенароднаго.

Я слишкомъ понимаю, что въ этомъ недоумѣломъ упрекѣ, рядомъ съ несомнѣнной правдой его вопрошающей боли, всегда чувствуется и какая-то неправда, психологическая фальшь, нарощая отъ устали безотвѣтныхъ исканій: пока пишемъ, живемъ, всѣ, и спрашивающіе и спрошенные, живемъ и будемъ жить жизнью длящейся, тягучей, стихійно-влекущей, *останемся въ исторіи, не остановимся*. Но, съ другой стороны, что-то постоянно вынуждаетъ говорить *такъ* и чаще *такъ* молчать. И это потому, что мало *права*, нужна *правда*... Конечно, жизнь есть... жизнь, и въ ней, пока она въ переживаніяхъ, не озаренныхъ до конца свѣтомъ всеразрѣшающей правды, есть своя стихійно-земляная тяга; тяга эта вся выливается въ Карамазовской формулѣ: „жизнь любить прежде чѣмъ смыслъ ея“... „туть не умъ, не логика, туть нутромъ, туть чревомъ любишь“... „Порази меня, — говоритъ Иванъ Карамазовъ, — всѣ ужасы человѣческаго разочарованія, а я все-таки захочу жить и какъ припаль къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока весь не осилю“. Это стихійно влекущій зовъ, зовъ власти исторіи, власти жизни, онъ волей-неволей заставляетъ живущую душу „припасть къ кубку“ соціально-политической культуры и не отрываться, — „хочешь не хочешь“, подчиняясь власти исторіи со всей тяжестью ея ноши. И пока культура сама собой еще питаетъ и грѣетъ идеологовъ русскаго освобожденія, они правы одной стороною правды. „Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, — восклицаетъ обрадованный Алеша Карамазовъ брату: — ты жизнь любишь. Теперь надо постараться о второй твоей половинѣ“... Но первая половина, этотъ устой культуры, жажды жизни, возможной, такой, какая она ни есть, — расшатывается, содрогается отъ неотвратимаго трепета тоски по второй, по всеоправдывающей, всеспасающей правдѣ... И отсутствіе ея больно должно беречь что-то, что скрытое, темное, невыявленное и изуродованное живетъ въ революціонной романтикѣ русской жизни, и, несмотря на всѣ его смертные грѣхи, даже стыдить, винить, укорять... и, конечно, не за идею освобо-

ждения (хотя, *in concreto*, въ фактахъ поверхностной реальности, кажется, именно за нее, но это не важно, и можно же понять, что здѣсь не то разумѣется).

Права, забота о „второй половинѣ“ дѣла выражена статьей „Очерки философіи культуры“ П. Струве и С. Франка въ № 2—3 „Полярной Звѣзды“. Въ статьѣ этой остро осознана и рѣзко сформулирована въ сущности почти та же проблема, около которой стоимъ здѣсь и мы между двумя правдами въ культурѣ соціальной политики и въ стихіи революціонной романтики, которыя, конечно, нельзя просто сложить, а если бы и можно было, сумма все же не была бы всей искомой правдой.

Въ „Очеркахъ философіи культуры“ выдвигается съ силой, но безъ боли, неустраимаемая антиномія между „планомѣрнымъ культурнымъ творчествомъ и свободой личности“.

«Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣйствительной моральной антиноміей, съ дѣйствительностью, лежащей въ самой основѣ нашей нравственной жизни и *принципіально неустраимой*. Фанатики того и другого изъ сталкивающихся принциповъ могутъ объявлять эту антиномію мнимой и признавать предрасудкомъ или даже грѣхомъ *то культурное творчество, то уваженіе къ личности*. Но кто безпристрастно вдумывается въ эту проблему и охватываетъ ее во всей ея широтѣ, тотъ не можетъ не сознать, что обѣ стороны неправы, и что *истина лежитъ гдѣ-то посрединѣ между ними*. Точнѣе говоря, обѣ стороны правы въ томъ, что онѣ признаютъ, и неправы въ томъ, что отвергаютъ. Человѣчество никогда не откажется, не можетъ и не должно отказаться отъ общественной дѣятельности, отъ преслѣдованія отдаленныхъ идеаловъ цѣною жертвъ многихъ поколѣній; и, съ другой стороны, человѣчество также не можетъ и не должно отказаться отъ принципа уваженія къ человѣческой личности. *Что лучше—трудиться для идеала, грѣша, или быть святымъ, отказавшись отъ его осуществленія?* То и другое плохо, то и другое не можетъ насъ удовлетворить. Нравственное чувство велитъ намъ найти исходъ, равно далекій отъ обѣихъ крайностей. Надо сказать прямо, какъ бы это ни было тяжело для людей, ищущихъ абсолютныхъ руководящихъ началъ въ практической морали: *принципіального рѣшенія дилеммы здѣсь быть не можетъ*, но крайней мѣрѣ въ реальной морально-общественной обстановкѣ современности и обозримаго для насъ будущаго *).

Послѣдній узелъ, разрѣшающій трагизмъ противорѣчія зова культуры, ея сверхъэмпирической вѣчной цѣнности и вѣчной же цѣнности личности, неотдѣлимой отъ абсолютной свободы всеразрѣшающей правды, развязывается „жи-

*) «Полярная Звѣзда», № 3, стр. 180—181.

вымъ нравственнымъ чутьемъ“, „моральнымъ тактомъ“. Вы ходъ здѣсь, такимъ образомъ, только въ чуткомъ и тактично-примиреніи съ безысходностью, другого выхода на чисто философской почвѣ и не можетъ быть дано, онъ въ религіи, и не только въ религіозно-метафизическомъ сознаніи, но въ религіозно-жизненномъ опытѣ, въ живой мистической стихіи. И если освободительный реализмъ съ лежащей въ основѣ его философіей, философіей культуры, чуждъ этой мистики религіознаго сознанія и опыта, то можно ли ощутить ея дыханіе, хотя бы въ затемненномъ, искаженномъ видѣ, въ переживаніяхъ революціоннаго романтизма. Несознанная, но могучая религіозная стихія, какъ указывалось не разъ и здѣсь говорилось, живетъ въ душѣ русской революціи, и какъ ни странно на первый взглядъ утверждать, но при недостаточномъ психологическомъ углубленіи кажется несомнѣннымъ, что суровый, праведнически-ригористическій, подвижническій аскетическій духъ русской интеллигенціи, ея жертвоприносящая самоотверженность, героизмъ и мученичество, отшельничество, наконецъ, фанатическое сектантство выросло подъ вліяніемъ чисто-религіознаго, даже православно-христіанскаго луча, преломленнаго сложнымъ преломленіемъ въ чуждой средѣ другихъ, болѣе внѣшнихъ, вліяній. И если въ психологіи русскаго революціонизма уже стало замѣчаться то, что даетъ нѣкоторое право сказать, что въ извѣстныхъ чертахъ это есть *самодержавіе навыворотъ*, то въ идеологіи этого революціонизма, въ настрояніяхъ его, есть и нѣчто, хотя перевоплощенное, осложненное и запутанное, но дѣйственное, что заставляетъ утверждать, что въ немъ есть и *православіе навыворотъ*. То, что въ официальномъ православіи одервенѣло, окаменѣло, покрылось похолодѣвшимъ пепломъ, что омертвѣло тамъ и полегло безжизненно-вытянутымъ трупомъ, уже разлагающимся и смердящимъ, то въ психологіи интеллигенціи, въ ея бессознательной волѣ, идеалистически-религіозной, живо и дѣйственно воистину, огненно-пламенно и горяще-одухотворено. Въ жизни и литературѣ создалась какъ бы особая интеллигентская церковь, атеистическая по сознанію, но съ живымъ присутствіемъ божественнаго дыханія, христіанство безъ Христа, однако съ крестомъ, съ угодниками и праведниками, отшельниками и мучениками, спасающимися и воистину святыми.

И что въ высокой степени замѣчательно, что и она, по своему, въ *смерти* (достойной гибели) обрѣтаетъ едва ли не большій смыслъ, большую правду, чѣмъ въ жизни, что, съ другой стороны, такъ характерно для православія, которое все въ *правдѣ смерти*, полагая здѣсь живой центръ своихъ религіозно-психологическихъ притяженій.

Можетъ показаться страннымъ и ошибочнымъ, что, истолковывая духъ русскаго революціонизма, я безъ оговорокъ примѣняю антиномію культуры и личности, понимая революціонизмъ, какъ воплощенную боль о личности. Многіе факты революціонной дѣйствительности, казалось бы, говорятъ объ иномъ. Но въ моемъ пониманіи психологія революціонно-интеллигентскихъ переживаній какъ разъ уходитъ вся въ личность, своеобразно, но плотно схватывается этимъ понятіемъ. Какъ ни много было положено русскою интеллигенціей жертвъ на алтарь общественного служенія, какъ ни великъ и грозенъ культъ этой общественности, сущность всѣхъ устремленій здѣсь въ *личности*, въ *личномъ* спасеніи, въ *личномъ* подвигѣ, въ *личномъ* подвижничествѣ, подвигѣ чести, въ *личной* праведности, правдѣ совѣсти, правдѣ души, въ *личномъ*, своемъ, интеллигентскомъ трагизмѣ. И этотъ уклонъ въ стороны личности представленъ у насъ не только Гоголемъ, Достоевскимъ, Толстымъ, но и Герценомъ, Писаревымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, Михайловскимъ, Лавровымъ, особенно же Успенскимъ, всѣмъ революціоннымъ движеніемъ отъ декабристовъ до героев 1 марта и послѣднихъ событій. Въ высокой степени выразителенъ для пониманія этой русской правды образъ Гаршина, небольшого художника, но огромнаго человѣка. Душевная драма Гаршина въ томъ, что ему съ его трагическимъ вымоганіемъ правды, какъ чуда изъ отчаянія, не за что зацѣпиться, нечѣмъ дышать въ жизни длящейся, текущей, онъ не въ *исторіи*, а *надъ исторіей*, въ немъ крикъ отчаявшейся боли за *личность*, но *итъжъ мѣста культуръ*, *Богъ*—но нѣтъ *міра*. Онъ весь въ страданіи, въ мучительствѣ, въ подвигѣ, жизнь Гаршина крестъ, Голгофа, жизнь не переходящая, вѣчная, жизнь въ смерти, въ спасеніи или гибели, но не въ жизни переходящей, въ немъ *мигъ и вѣчность*, но нѣтъ *времени*. Гаршинъ весь въ томъ, что „времени больше не будетъ“, не должно, не можетъ быть. Тутъ трагизмъ правды личности, заостренный до самой острой точки, до

отверженія міра, до отшельничества. Смысль праведности и смыслъ исторіи, личности и жизни, встрѣчается здѣсь въ болящей коллизіи страшныхъ сѣченій и отрицаній. Вся эта боль собирается въ одну сверлящую точку его совѣсти, зовущей его къ отчаянію спасенія въ гибели.

Здѣсь въ малой каплѣ водѣ сказалась вся глубина интеллигентски-мученической стихіи, которая бродитъ также въ крови русскаго революціонизма. Въ слабомъ, больномъ Гаршинѣ явственно и сильно обнажилось то, что болѣе скрыто, сдержанно прячется въ другихъ, здоровыхъ и сильныхъ.

Вся эта „нереальная“ политика русской жизни, это—какая-то святоличная, лично спасающаяся, безъобщественная общественность, *отшельничество въ горній міръ высокога общественнаго идеала правды*, подвижничество и мученичество во имя его, уединенно-интеллигентская, страстно-напряженная, огненно-пламенная молитва о спасеніи общественномъ передъ Богомъ правды личности. Это своеобразный аскетически-монашескій, свято-праведнический уходъ отъ низшей жизни, эмпирической реальности къ жизни высшей идеалистической реальности, это исторически-христіанская духовность, борящаяся съ плотью міра.

Итакъ, въ русскомъ интеллигентскомъ революціонизмѣ,— съ одной стороны, вѣковое монашеское отшельничество въ зовущую высь ни съ чѣмъ немирящагося, ни передъ чѣмъ несклоняющагося, негнибающагося идеала, съ другой—эсхатологическія алканія, чуждыя процессу исторіи, во грѣхѣ дльчущагося творчеству культуры, жгуче-страстное устремленіе въ напряженіи героическихъ усилій къ послѣдному свѣту завершающей правды всеспасенія, къ чуду мгновеннаго освобожденія и преображенія всего въ свѣтѣ нисхожденіемъ языковъ всепожирающаго огня правды личности,—ожиданіе съ возжженными свѣтильниками грядущаго Небснаго Жениха. И если первое роднитъ революціонизмъ съ православіемъ, съ историческимъ христіанствомъ въ его уже ослабѣвшей духовной мощи, то второе обращаетъ его лицо, выраженіемъ живого чаянія, въ сторону апокалипсическаго христіанства.

Все это въ революціонизмѣ несетъ въ себѣ религіозно-мистическую стихію, но таитъ ее еще сознаниемъ не разбужденную, темную, невыявленную, какъ нѣкіе иксъ-лучи. Но въ этомъ ея громадная, хотя и слѣпая сила, сила во-

прошанія, на которое освободительный реализмъ „Полярной Звѣзды“ отвѣчаетъ зрячей полустихіей. Въ русскомъ революціонномъ романтизмѣ—подлинная религіозная стихія, затемненная, однако, перерелигіознымъ сознаніемъ, осложненная и изуродованная религіознымъ отношеніемъ къ безрелигіознымъ объектамъ, моленіемъ, какъ святѣйши, иѣкому идолу. Идея реалистическая освобожденія, неся въ русскую жизнь культуру реальной политики, сознательно устанавливаетъ трезво-реальное отношеніе къ этому объекту, освобождаясь отъ идолопоклонства. Но не выкидываетъ ли она вмѣстѣ съ грязной водой изъ ванны также и омытаго тамъ чистаго ребенка, котораго нельзя воспріять компромиссарнымъ рѣшеніемъ, успокоеніемъ на неразрѣшимости, которое дается въ „Очеркахъ философіи культуры“.

„Принципъ личности и принципъ культуры, вступая въ многообразные и мучительные конфликты, тѣмъ не менѣе, по существу вытекаютъ изъ одного моральнаго источника—*уваженія къ духу и его творчеству*—и сплетаются въ цѣльное и внутренне-согласованное культурно-философское міросозерцаніе, которое можно назвать *гуманистическимъ индивидуализмомъ*“.

„Духъ дышитъ иѣже хочетъ“, но тотъ ли это духъ въ „гуманистическомъ индивидуализмѣ“, и какъ свобода его умѣщается въ тискахъ неразрѣшимой антиноміи. И въ концѣ-концевъ *какого же духа* „гуманистическій индивидуализмъ“, въ основѣ котораго слышится затаенное отчаяніе скепсиса?

Истиной соціально-политической культуры онъ преодолѣетъ неправду революціонизма, какъ соціальной политики, но чѣмъ, въ концѣ-концевъ, отвѣчаетъ онъ на правду другихъ исканій слѣпорелигіозной романтики, на стыдѣющую, великую правду муки ея, ея страданій, креста безъ Христа, пусть это даже крестъ—разбойника.

Пусть мы не раздѣляемъ исповѣданія самосозженцевъ, но, видя ихъ, хотя бы на полотнѣ Третьяковской галлерей, какъ-то невольно содрогаемся, смущаемся, словно стыдимся передъ этой силой смерти за свое, не до конца оправданное право жить, также что-то мучить, за что-то укоряетъ видъ самоубійства такого типа, какъ Гаршинъ, мерещится какая-то далекая вина, какая-то недосказанность, вопрошающая боль. Не знаю, какъ сказать, но это страшно-томящее впечатлѣніе неотвратимо, неистребимо, какъ правда,

какъ совѣсть. И когда воспринимаешь этотъ ужасъ по идеѣ чуждаго революціонизма совѣми его вооруженными возстаніями, убійствами, самоубійствами, насиліями, самонасиліями,—безпомощно содрогаешься и смутно, но больно, тревожно ощущаешь, что какимъ-то психологическимъ касаніемъ все это и *свое*, несмотря на то, что сознаниемъ рѣшительно осуждаешь все это. И какъ бы логически, рационально ни было очевидно, что бессмысленно все это и уже во всякомъ случаѣ не нужно быть тамъ, какъ не нужно быть съ самосожженцами, съ самоубійцами, но это безуміе гибели страшно вопрошаетъ, мучаетъ сложной мукой какъ бы какого-то зова, и нельзя угасить неугасимую боль впечатлѣній самой крѣпкой, самой непоколебимой увѣренностью въ истинѣ „реальной политики“ и культуры. Всегда чувствуется, что на что-то не отвѣчено. Эта вѣра не спасаетъ. Мало „гуманистическаго индивидуализма“ и „духа“, нужна вѣра во всепасающее Слово, въ Духа-Утѣшителя, воистину нужна вѣра, сдвигающая горы.

А до тѣхъ поръ сильная критика соціально-политической некультурности и революціонизма будетъ безсиліемъ противъ слѣпо-стихійной, безсознательной религіозной воли и тѣхъ недоумѣній, которыя эта воля, перешедшая въ сознаніе, можетъ поставить, какъ проблемы.

А пока... пока у однихъ реальная политика, какъ отколотая половина правды, и скепсисъ „гуманистическаго индивидуализма“, зовущаго къ примиренію съ непримиримымъ, у другихъ—слѣпо религіозная стихія безъ религіознаго свѣта, молитвенно-религіозное отношеніе въ нерелигіозномъ проявленіи и къ нерелигіознымъ объектамъ, у третьихъ, наконецъ, свѣтъ обновленнаго, обостреннаго религіознаго сознанія въ безсиліи и боли мистическаго опыта, въ немощи волевой религіозной стихіи.

Волжскій.

Связь грамотности и занятій въ населеніи Москвы.

Недавно вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ основныхъ таблицъ по населенію Москвы, составленныхъ по переписи 1902 года. *) Здѣсь содержатся, между прочимъ, абсолютные итоги неграмотныхъ въ главныхъ группахъ занятій. **) По этимъ итогамъ мы вычислили проценты грамотности для населенія обоого пола, для мужчинъ и женщинъ отдѣльно и затѣмъ сравнили женскую грамотность съ мужскою. Приводимъ нѣкоторые результаты сопоставленій для тѣхъ занятій, которыя показаны у сравнительно большаго числа лицъ.

Все населеніе Москвы безъ пригородовъ по переписи 31 января 1902 г. дало итогъ въ 1.092.360 человекъ; изъ этого итога дѣти моложе 5 лѣтъ составляли 7,7⁰/₀; они не распределены по занятіямъ. Распределеніе по главнымъ группамъ занятій сдѣлано для населенія, превышающаго 1 миллионъ (1.008.249 человекъ), при чемъ приблизительно четверть этого населенія отнесена къ группѣ несамодѣятельныхъ: это члены семействъ, не имѣющіе собственного занятія, заработка, дохода или средствъ существованія; такихъ лицъ въ Москвѣ показано (въ возрастѣ старше 5 лѣтъ) 253.013.

Общая грамотность для населенія всякаго возраста опредѣляется въ 59,1⁰/₀; грамотность въ населеніи свыше 5 лѣтъ составляетъ 64⁰/₀ (т.-е. на 100 человекъ обоого пола 36 неграмотныхъ). Въ несамодѣятельномъ населеніи грамотныхъ 59,7⁰/₀. Группы занятій, насчитывающія наибольшія

*) Перепись Москвы 1902 года. Часть I. Населеніе. Выпускъ 2. Изд. Стат. Отд. Город. Управы. М. 1906.

**) Табл. I. А, В, С; стр. 2—7.

количества лицъ обоого пола, суть слѣдующія: рабочіе фабрикъ и заводовъ (107.781), рабочіе разныхъ видовъ промышленности, преимущественно ремесленники (104.899) и домашняя прислуга (78.728); далѣе слѣдуютъ живущіе въ различныхъ общежитіяхъ (43.397), рабочіе транспортныхъ предприятий (37.679), хозяева-одиночки (34.513), хозяева съ наемными рабочими (33.068) ученики въ ремеслахъ и промыслахъ (32.656), служащіе торговыхъ заведеній и кредитныхъ учреждений (31.652) и рабочіе домовладѣнія (преимущественно дворники) и трактирнаго промысла (31.647), служащіе по охраненію общественной безопасности, главнымъ образомъ солдаты (25.736), живущіе пенсіей и пособиями (22.025) и рабочіе торговыхъ заведеній и кредитныхъ учреждений (20.842); прочія группы занятій вмѣщаютъ каждая менѣе 20 тысячъ человекъ.

Изъ всѣхъ 37 группъ наибольшую, почти повальную грамотность даютъ служащіе транспортныхъ предприятий—99,3⁰/₀ и группа лицъ, занимающихся юридическою дѣятельностью,—99,1⁰/₀, затѣмъ служащіе фабрикъ и заводовъ—98,9⁰/₀; изъ вышепоименованныхъ многочисленныхъ группъ самую грамотную оказывается группа служащихъ торговыхъ заведеній и кредитныхъ учреждений—98,5⁰/₀, потомъ ученики въ ремеслахъ и промыслахъ—80,9⁰/₀, хозяева, имѣющіе наемныхъ рабочихъ—79,4⁰/₀, рабочіе торговыхъ заведеній—77,5⁰/₀, пенсіонеры и получающіе пособия—76,1⁰/₀, военные—72,8⁰/₀, рабочіе домовладѣнія и трактирнаго промысла—70,1⁰/₀, живущіе въ общежитіяхъ—63,5⁰/₀, хозяева-одиночки 60,8⁰/₀, рабочіе въ ремеслахъ и промыслахъ—60,1⁰/₀, рабочіе фабрикъ и заводовъ—56,7⁰/₀ и, наконецъ, домашняя прислуга—31,7⁰/₀. Безграмотность домашней прислуги заслуживаетъ большого вниманія; эта группа, третья по абсолютной численности, даетъ наименьшую грамотность изъ всѣхъ группъ, по которымъ распределены занятія московскаго населенія.

Грамотность мужскаго населенія всякаго возраста определена почти въ 70⁰/₀ (69,9), мужское населеніе старше 5 лѣтъ грамотно въ 74,2⁰/₀ случаевъ. Повальная мужская грамотность отмѣчена для служащихъ фабрикъ и заводовъ и для служащихъ транспортныхъ предприятий—по 99,2⁰/₀, а также для лицъ, занятыхъ юридическою дѣятельностью—99,1⁰/₀. Рабочіе мужскаго пола на фабрикахъ и заводахъ имѣютъ грамотность 70,1⁰/₀, рабочіе въ ремеслахъ и промыслахъ—66,9⁰/₀,

работіе транспортныхъ предприятий— $59,9\%$, дворники и трактирная прислуга— $73,1\%$, работіе торговыхъ заведеній— $79,9\%$, ученики въ ремеслахъ и промыслахъ— $86,3\%$, служащіе по охранѣ безопасности (т.-е. войско и полиція)— $72,4\%$, живущіе пенсіями и пособиями— $92,8\%$, живущіе въ общежитіяхъ— $78,2\%$ и мужская домашняя прислуга— $73,3\%$. Среди несамодѣтельнаго мужского населенія грамотность составляетъ $65,4\%$. Крайній минимумъ грамотности мужчинъ даютъ лица съ поденною переменною работою— $51,9\%$. Замѣтимъ, что у мужчинъ во всѣхъ группахъ занятій грамотные преобладаютъ надъ неграмотными.

Переходимъ къ грамотности женскаго населенія Москвы. Здѣсь общая грамотность составляетъ только $45,8\%$ и даже въ женскомъ населеніи старше 5 лѣтъ грамотныхъ менѣе половины— $49,6\%$, несамодѣтельное населеніе среди женщинъ имѣетъ грамотныхъ $57,8\%$, т.-е. выше средняго, между тѣмъ какъ среди мужчинъ у несамодѣтельнаго населенія процентъ грамотности ниже средней величины. Изъ отдѣльныхъ группъ женскихъ занятій первое мѣсто занимаетъ по числу лицъ (78.728) домашняя прислуга; въ составѣ женской прислуги грамотныхъ немногимъ болѣе четверти— $27,1\%$; вторая по численности группа фабричныхъ работницъ (29.725) имѣетъ еще болѣе низкую грамотность— $19,4\%$; значительно выше грамотность работницъ въ ремеслахъ и промыслахъ— $35,1\%$; у мужчинъ здѣсь была иная послѣдовательность. Женщины, живущія въ общежитіяхъ, грамотны на половину (50%), живущія пенсіями и пособиями болѣе, чѣмъ на двѣ трети ($68,7\%$) и, наконецъ, хозяйки-одиночки опять-таки на половину ($50,2\%$). Изъ малолѣдныхъ группъ женская грамотность падаетъ до минимума среди работницъ транспортныхъ предприятий ($11,7\%$) и поденщицъ съ переменною работою ($11,6\%$).

Въ заключеніе остановимся на тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ женская грамотность стоитъ къ мужской по разнымъ группамъ занятій. Для всего населенія старше 5 лѣтъ женская грамотность составляетъ приблизительно двѣ трети ($66,8\%$) мужской грамотности. Единственная группа занятій, гдѣ женская грамотность превосходитъ мужскую,—это группа служащихъ по транспортнымъ предприятиямъ ($100,5\%$). Въ рядѣ группъ женская грамотность очень близко подходитъ къ мужской, составляя болѣе 90% мужской грамотности;

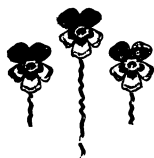
это служащія на фабрикахъ и заводахъ, служащія въ прочихъ ~~видахъ промышленности~~, служащія и прислуга по общему и мѣстному управленію, по ~~юридическимъ~~ учрежденіямъ, монашенки и просвирни, лица, занятые учебнымъ дѣломъ, наукою, литературою и искусствомъ.

Въ слѣдующей серіи грамотность женщинъ, хотя и сильнѣе уступаетъ мужской грамотности, но все-таки превышаетъ 80% мужской; сюда принадлежатъ хозяйки съ наемными рабочими, служащія домовладѣнія и трактировъ, карательныхъ и исправительныхъ заведеній, занятые въ зрѣлищахъ и спортѣ, живущія доходами съ капиталовъ и земли и несамодѣятельныя (88,5); заслуживаетъ вниманія близость женской грамотности къ мужской среди несамодѣятельныхъ, располагающихъ сравнительно большимъ досугомъ. Ниже 80%, но выше 70% отъ мужской грамотности женская грамотность составляетъ у хозяекъ, работающихъ съ помощью членовъ семействъ, у хозяекъ-одиночекъ, у служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, у ученицъ въ ремеслахъ и промыслахъ, у живущихъ пенсіями и пособиями. Выше 60%, но менѣе 70% отъ мужского уровня женская грамотность показываетъ среди членовъ семьи, помогающихъ въ промыслѣ, среди работницъ домашней промышленности, среди лицъ врачебнаго персонала и среди живущихъ въ общежитіяхъ. Ниже 60, но болѣе половины мужской величины грамотность работницъ въ ремеслахъ и промыслахъ (52,5). Въ остальныхъ группахъ женская грамотность слишкомъ въ два раза меньше, чѣмъ мужская. Отъ 46% до 50% сравнительно съ мужскою грамотностью женщинъ оказывается среди работницъ торговыхъ заведеній, среди женскаго персонала учреждений общественнаго призрѣнія, отъ 30 до 40%—у домашней прислуги (36,9) и у безработныхъ (38,4), отъ 20 до 30%—среди работницъ на фабрикахъ и заводахъ (27,5%) и работницъ при домовладѣніи и трактирахъ (28,8) и поденщицъ съ перемежною работою (22,4%), наконецъ, въ одномъ случаѣ отношеніе женской грамотности къ мужской падаетъ ниже 20%—это среди работницъ при транспортныхъ предприятияхъ (19,5).

Признавая, что главною причиною отсталости женской грамотности среди особенно крупныхъ группъ домашней прислуги (70.763 человекъ) и фабричныхъ работницъ (29.725 человекъ) служатъ условія труда, и что отъ измѣ-

венія этихъ условій надо ждать прогресса грамотности, мы полагаемъ, что нѣкоторое содѣйствіе повышенію женской грамотности могло бы быть достигнуто при замѣнѣ теперешнихъ однопольныхъ школъ школами *совмѣстнаго обученія* для лицъ обоого пола.

А. А. Фортунатовъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Есть какое-то символическое указаніе въ томъ обстоятельстве, что на распущеніе Государственной Думы первыми отозвались не организованныя рабочія массы, а темныя шайки громилъ и черносотенцевъ.

„Истинно-русскіе люди“ поняли распущеніе Думы весьма своеобразно; въ немъ они увидѣли обращеніе власти не къ чувству мѣры и благоразумію населенія, а призывъ къ погрому виновниковъ нынѣшней смуты. Это обстоятельство лишній разъ доказываетъ, что государственному порядку и общественному миру угрожаютъ не столько организованныя массы, сколько темныя, разрозненныя и стихійно-разрушительныя силы.

Въ Одессѣ уже 8 іюля по улицамъ предмѣстья Молдаванки казакъ съ обнаженной пашкой гнался за прохожими, крича: „Пора перерѣзать всѣхъ жидовъ“. Это, на первый взглядъ, незначительное обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ въ данномъ случаѣ виновникомъ, зачинщикомъ рѣзни открыто является представитель того самаго войска, которое призвано охранять и насаждать порядокъ. Въ этомъ случаѣ ясно отразилось политическое настроеніе извѣстной части нашей арміи, которая, по самой сущности своей, должна стоять въ сторонѣ отъ политическихъ волненій, быть независимой отъ религіозныхъ, національных и политическихъ страстей.

Между тѣмъ высшій представитель арміи въ краѣ, ген. Каульбарсъ, указалъ явившейся къ нему депутаціи, что всѣ евреи сочувствуютъ революціи, что войска этимъ возмущены, и начальство едва-едва удерживаетъ ихъ расправу съ евреями.

Но если еще можно будетъ удержать войска, то онъ, Каульбарсъ, не беретъ сдержатъ возмущенный народъ, по-

этому онъ совѣтуетъ евреямъ сдѣлать что-нибудь въ доказательство любви своей къ Россіи и несочувствія революціи. Въ тонѣ, въ сущности этой рѣчи сквозитъ не стремленіе успокоить населеніе и армію, не желаніе внести сознаніе въ темныя головы солдатъ и разъяснить имъ ихъ заблужденія, а худо скрытое раздраженіе. Одесская газета „За Царя и Родину“ печатаетъ крупнымъ шрифтомъ призывъ къ скорѣйшему искорененію ненавистнаго еврейскаго племени, и ген. Каульбарсъ молчитъ; въ Кіевѣ же начальникъ края, ген. Сухомлиновъ, другой представитель той же арміи; запрещаетъ распространеніе черносотенной газеты „Вѣче“; изъ этого мы видимъ, какъ разнo и произвольно смотрятъ на свои задачи военные, облеченные высшею гражданскою властью и призванные охранять порядокъ въ странѣ.

Какъ только получило извѣстіе о роспускѣ Думы, рабочіе сильно заволновались и рѣшили объявить однодневную политическую забастовку. Но рабочіе социаль-демократической *организации* выступили противъ этого рѣшенія и, вообще, по словамъ „Нашей Жизни“, настроеніе среди рабочихъ въ такой степени возбужденное, что и здѣсь *организации* приходится выступать въ качествѣ начала умѣряющаго.

Общественная анархія достигла высшей степени; истинную опасность представляютъ собою разгромы поѣздовъ, почты, банковъ и частныхъ лицъ, о которыхъ сообщаетъ телеграфъ теперь уже ежедневно. Эти хищенія и разгромы важны не столько сами по себѣ, сколько потому, что являются признакомъ полнаго безсилія власти и государственнаго хаоса. Людей уже не сдерживаютъ ни страхъ суда, ни сила общественнаго мнѣнія, ни суровость наказанія. Въ такое именно время единственнымъ якоремъ спасенія является широкая *организация* общественнаго мнѣнія, гласность, наличность облеченнаго довѣріемъ народа законодательнаго учрежденія. Тѣмъ болѣе нецѣлесообразными являются теперь такія мѣры, какъ распущеніе Государственной Думы, созывъ ея лишь въ февралѣ будущаго года, закрытіе ряда газетъ, преслѣдованіе бывшихъ депутатовъ. Все это, можетъ-быть, и сохранить правительству у власти на нѣкоторое время, но грозитъ государству новыми волненіями, разстройствомъ экономической жизни и финансовымъ разореніемъ.

Съ закрытіемъ Думы, запрещеніемъ собраній, сходокъ въ клубахъ единственнымъ органомъ общественнаго мнѣнія оставалась печать. Новое министерство усилило, однако, строгости, и во многихъ мѣстахъ воскресаеъ старый другъ русскаго просвѣщенія и русской культуры—цензура. Въ Казани, напрімѣръ, чиновникъ, завѣдующій типографіями, приходитъ ежедневно въ типографію, гдѣ печатаются прогрессивныя газеты, и посылаетъ губернатору для предварительнаго просмотра гранки до спуска ихъ въ машину.

Союзы, основанные на чисто экономической, профессиональной почвѣ не терпятъ новымъ министерствомъ. Полиція за одинъ только день закрыла въ С.-Петербургѣ союзъ рабочихъ кожевеннаго производства, служащихъ въ городскихъ предпріятіяхъ, союзы инженеровъ и техниковъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ. Со всѣмъ этимъ сильно идутъ въ разрѣзъ усилія новаго министерства привлечь къ себѣ довѣріе общества и убѣдить западно-европейское общественное мнѣніе въ томъ, что роспускъ Думы не есть возвращеніе къ реакціонному самодержавію.

На запросъ парижской газеты „Matin“ о причинахъ, побудившихъ Государя распустить Думу, предсѣдатель совѣта министровъ послалъ по телеграфу слѣдующій отвѣтъ: „Императоръ твердо и непоколебимо намѣренъ сохранить представительный образъ правленія, дарованный Россіи манифестомъ 17 октября 1905 года. Это и послужило причиной роспуска Думы, которая своими абстрактными преніями и превышеніями своихъ полномочій являлась серьезной опасностью для *новаго* (?) строя. Извѣстія изнутри страны показываютъ, что повсюду принятая мѣра признается *своевременной*...“ Немного странными являются въ данномъ отвѣтѣ ссылки на опасность, которую представляла Дума для *новаго* строя Российской имперіи и на якобы всеобщее одобреніе принятой мѣры. Жизнь еще не дала г. Столыпину права на такіа оптимистическія утвержденія.

Слѣдуетъ отмѣтить и успокоительныя заявленія новаго предсѣдателя совѣта министровъ по поводу слуховъ о преслѣдованіи бывшихъ народныхъ представителей. По словамъ г. Столыпина, правительство не предприметъ по отношенію къ бывшимъ членамъ Государственной Думы никакихъ репрессій, такъ какъ преслѣдованіе бывшихъ членовъ Думы за поступки, совершенные ими въ то время, *когда они поль-*

зовались неприкосновенностью, было бы шагомъ, явно противоконституціоннымъ.

Мы подчеркнули слова о „неприкосновенности“, такъ какъ ими отнюдь не устраняется привлеченіе депутатовъ къ суду за дѣйствія, совершенныя ими сейчасъ вслѣдъ за роспускомъ Думы.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ выказалъ себя еще сторонникомъ широкой и правдивой гласности, правда, пока только на словахъ. Какъ передаютъ „Русскія Вѣдомости“, онъ пригласилъ къ себѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгарда и сказалъ ему, что онъ является врагомъ репрессій противъ печати, если дѣло касается фактическихъ сообщеній. „Я стою за правду, какъ бы она горька ни была“, сказалъ г. Столыпинъ. Неужели же можно думать, что всѣ закрытыя газеты писали завѣдомую ложь.

Можетъ указать еще на то обстоятельство, что депутатовъ-евреевъ не беспокоятъ еще, и это, какъ сообщаетъ „ХХ вѣкъ“, по внушенію выше, хотя они, какъ евреи, не имѣютъ по закону права пребыванія въ столицѣ болѣе 24 часовъ и подлежатъ выселенію. Такая зависимость отъ произвола министра врядъ ли, однако, утѣшаетъ бывшихъ депутатовъ-евреевъ.

Мы не можемъ еще пройти мимо недавней статьи въ офиціозной „Россіи“, которая, сожалья, что консервативныя партіи отрицаютъ Думу и требуютъ уничтоженія народнаго представительства, говорить, что правительство не можетъ и не должно вступать на революціонный путь и брать назадъ конституціонныя права, которыя оно дало народу. Каждая его попытка въ этомъ направленіи была бы революціоннымъ дѣйствіемъ. *Отрицать значеніе общественныхъ силъ въ Россіи* и наличность въ русскомъ обществѣ благонамѣренныхъ устойчивыхъ элементовъ, *какъ оно отрицало ихъ прежде*, правительство болѣе не можетъ. Оно намѣрено честно выполнить свой долгъ не только передъ русской государственностью, но и передъ русской общественностью, и оно его выполнить.

Ясно, что вокругъ честнаго законнаго правительства, говорить „Россія“, должны объединиться всѣ, кто за монархію и собственность. Внѣ сближенія съ правительствомъ останутся противники существующаго строя, республиканцы и социалисты. Среди этихъ партій не мѣсто русскимъ

консервативнымъ элементамъ, поучаетъ „Россiя“, которые, не признавая совершившихся законныхъ перемѣнъ нашей государственности, только ослабляютъ русскую государственность, вмѣсто того, чтобы всѣми силами ее поддерживать.

Въ этой статьѣ все замѣчательно, все удивительно ясно формулировано: характерно для духа времени заявленіе о томъ, что брать назадъ конституціонныя права, дарованныя народу, было бы вступленіемъ на путь революціи. Характерно и признаніе наличности въ русскомъ обществѣ устойчивыхъ элементовъ, а главное того, что правительство упорно отрицало ихъ ранѣе. Обращаетъ на себя вниманіе и необычное противопоставленіе русской государственности русской общественности. Вызываетъ справедливое недоумѣніе и малоискреннее утвержденіе, будто внѣ сближенія съ правительствомъ останутся лишь республиканцы и социалисты. Партія „народной свободы“ и партія „демократическихъ реформъ“, выразившія правительству въ Думѣ недовѣріе, отнюдь не являются партіями республиканско-соціалистическими, тѣмъ менѣе таковыми являются гр. Гейденъ, М. А. Стаховичъ и другіе, стоящіе, однако, и за монархію и за собственность.

Что бы, однако, ни говорили офиціозные органы, Россiя безъ Думы жить не можетъ, въ одномъ „единеніи“ съ исполнительною властью. Въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ вниманія извѣстія о сильномъ движеніи среди членовъ Государственнаго Совѣта, имѣющемъ цѣлью такъ или иначе если не замѣнить исчезнувшее учрежденіе, то хотя бы не оставить Россію безъ организованнаго общественнаго центра. Группа центра Государственнаго Совѣта, какъ пишутъ „Рус. Вѣдомости“, рѣшила организовать до новаго созыва Думы постоянный комитетъ, который созывалъ бы общественные сѣзды по тѣмъ вопросамъ, которые можетъ выставить политическая жизнь Россiи. Особое бюро будетъ слѣдить за текущими событіями, разрабатывать законодательныя предположенія и поддерживать связь съ провинціей.

Всѣ эти и имъ подобныя извѣстія указываютъ на то, что всѣми слоями русскаго общества сознается необходимость народнаго представительства, что Дума вошла органическимъ звеномъ въ цѣпь русскихъ общественно-государственныхъ учреждений и что долгое отсутствіе ея вызоветъ рядъ осложненій во внутренней жизни Россiи.

Печать.

Вниманіе печати всецѣло поглощено фактомъ роспуска Думы, и со столбцовъ газетныхъ не сходятъ статьи, оцѣнивающія результаты ея дѣятельности и защищающія ея чистое имя отъ грязныхъ инсинуацій официальныхъ и неофициальныхъ изданій; извѣстія, идущія изъ министерскихъ сферъ, о „либеральныхъ“ намѣреніяхъ г. Столыпина и о вступленіи въ кабинетъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, имѣющія своей цѣлью успокоеніе взволнованнаго общественнаго мнѣнія у насъ и въ Европѣ, также находятъ въ ней должную оцѣнку.

„Русскія Вѣдомости“ слѣдующимъ образомъ отзываются на сообщеніе, сдѣланное премьеромъ корреспонденту „Агентства Рейтера“:

„Объявленіе Петербурга на положеніи чрезвычайной охраны и наводненіе его войсками, воспрещеніе всякихъ митинговъ и собраній во всей странѣ, изготовленіе длиннаго списка газетъ, подлежащихъ, по мнѣнію главнаго управленія по дѣламъ печати, закрытію, и рядъ распоряженій, дѣйствительно повлекшихъ за собою гибель многихъ повременныхъ изданій, все это, даже на взглядъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Кіевлянина“, казалось, говорило скорѣе о политикѣ въ духѣ Плеве. Но глава „истинно-либеральнаго“ кабинета смотритъ на дѣло иначе. Онъ съ особымъ удареніемъ заявляетъ, что его министерство „ничего не сдѣлало противнаго конституціоннымъ обычаямъ“. И это „удареніе“ тѣмъ болѣе важно, что на-дняхъ, по слухамъ, въ самомъ совѣтѣ министровъ вспомнили, что по конституціоннымъ обычаямъ, одновременно съ роспускомъ палаты представителей необходимо назначить и новые выборы, а между тѣмъ въ актахъ 8 и 9 іюля о времени новыхъ выборовъ ничего положительнаго не сказано“.

Указавъ затѣмъ на то, что созывъ Думы къ концу февраля будущаго года самъ по себѣ уже является нарушеніемъ нашей конституціи, ибо къ 1907 году не будетъ законнаго, т.-е. утвержденнаго Думой бюджета, а новая

Дума фактически не въ состояніи будетъ возстановить свои нарушенныя права и отмѣнить исполненную роспись, газета приходитъ къ слѣдующему горькому заключенію:

„Россія теперь узнала изъ „самаго достовѣрнаго“ источника, что 8 іюля во власть вступило истинно-либеральное министерство. Эта интересная новость испорчена только тѣмъ, что она не нова. Въ теченіе двадцати послѣднихъ мѣсяцевъ у насъ послѣдовательно находились у власти *пять* „истинно-либеральныхъ“ министерствъ. Кн. Святополкъ-Мирскаго съ его „эпохой довѣрія“ смѣнилъ г. Булыгинъ, творецъ первой російской „конституціи“; гр. Витте, глава перваго „конституціоннаго“ министерства; наконецъ, и г. Горемыкинъ въ „истинно-либеральныхъ“ намѣреніяхъ, какъ извѣстно, не уступалъ ни одному изъ своихъ предшественниковъ. По словамъ корреспондента „Агентства Рейтера“, новыи нашъ премьеръ съ неодобреніемъ отозвался о „недостаткахъ“ политики всѣхъ своихъ предшественниковъ. Конечно, кто же станетъ одобрять недостатки! Но, повидимому, въ этой бесѣдѣ забыли объ одной важной чертѣ министерской программы, роднящей ее съ четырьмя старыми истинно-либеральными программами управленія Россіей. Съ того мѣста, которое занимаетъ теперь г. Столыпинъ, страна слышитъ вотъ уже скоро два года: сначала успокойся, а потомъ мы тебя преобразуемъ „въ истинно-либеральномъ духѣ“. Но бѣдная страна все никакъ не можетъ успокоиться, и „истинно-либеральные“ министры, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго опыта примѣненія и распространенія чрезвычайной охраны и военнаго положенія, выходятъ въ отставку разочарованные въ возможности осчастливить отечество „истинно-либеральными“ реформами“.

„Свободная Жизнь“ относится съ болѣшимъ довѣріемъ къ слухамъ о либеральныхъ планахъ предсѣдателя кабинета министровъ, но также не вѣритъ въ возможность ихъ осуществленія:

„Положеніе правительства таково, что оно должно, хочеть оно этого или не хочеть, заявить себя либеральнымъ.“

Съ одной стороны, къ этому его побуждаетъ внутреннее положеніе страны, потрясенной до своихъ глубинъ. Чтобы оправдать роспускъ Думы, надо доказать, „что власть и безъ народнаго представительства можетъ заботиться объ интересахъ массъ, и что защита права и законности не является привилегіей депутатовъ Таврическаго дворца. Власть въ настоящій моментъ жадно ищетъ опоры въ моральномъ отношеніи къ себѣ массъ; она желала бы привлечь ихъ къ себѣ не только организаціей черносотеннаго движенія. Правда, усилія эти бесплодны и никогда, ни при какихъ условіяхъ не увѣнчаются успѣхомъ. Но правительство будетъ дѣлать попытки въ этомъ направленіи, особенно теперь, когда ему грозятъ величайшія опасности отъ „смуты“, растущей со сказочной быстротой.“

Съ другой стороны, къ деклараціи либеральнаго курса правительство побуждается и международными отношеніями. Торжественныя обѣщанія,

данный при заключеніи послѣдняго займа, требуютъ, чтобы въ правительственную программу непременно были вписаны либеральныя слова, иначе Россія будетъ лишена совершенно кредита“.

Таковы, по мнѣнію газеты, мотивы либеральныхъ деклараций. Но тѣ общественные дѣятели изъ союза 17 октября или партіи мирнаго обновленія, на содѣйствіе которыхъ разсчитываетъ г. Столыпинъ, и вынуждены отказываться отъ вступленія въ бюрократическій кабинетъ теперь, чтобы не скомпрометировать окончательно представляемые ими партіи предъ лицомъ страны, тѣмъ болѣе, что ничего своего они въ политику кабинета не будутъ въ состояніи внести, а принуждены будутъ плыть по теченію и взять на свою ответственность респрессіи противъ освободительнаго движенія.

Провинціальная печать приноситъ намъ изъ глубины Россіи отклики, свидѣтельствующіе, что повсюду общественное мнѣніе по затронутымъ выше вопросамъ высказывается въ такомъ же духѣ.

„Кіевскіе Отголоски Жизни“:

„Пора бы понять, что одни хорошія слова и обѣщанія не могутъ вызвать довѣрія народа къ правительству, особенно, если обѣщанія постоянно нарушаются, а дѣла идутъ въ разрѣзъ со словами. Эпоха патріархальныхъ довѣрчивыхъ отношеній между властью и народомъ прошла. Народъ требуетъ гарантій своихъ правъ, хочетъ жить по закону, а не по доброй волѣ начальства.

Онъ протестуетъ противъ произвола, а этотъ произволъ возводитъ въ высочайшую степень и предлагаютъ народу ждаты, пока его осчастливятъ реформами.

Правительство, которое, какъ г. Столыпинъ и его кабинетъ, одной рукой подписываетъ призывы къ порядку и обѣщанія реформъ, а другой сыплетъ приказы объ арестахъ, ссылкахъ, закрытіяхъ, прекращеніяхъ, предупрежденіяхъ и пресѣченіяхъ,—такое правительство или лицемеритъ, или лишено всякаго государственнаго смысла.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ оно толкаетъ страну къ пропасти, къ анархіи“.

„Могилевскій Голосъ“:

„Итакъ, новый премьеръ намѣтилъ курсъ своей политики въ циркулярной телеграммѣ, которую можно разсматривать, какъ своеобразную декларацию. На всемъ правительственномъ фронтѣ начинается борьба противъ враговъ „общества“, противъ враговъ нынѣшняго правительственнаго порядка, и въ этомъ заключается Столыпинское обновленіе Россіи. А враги „общества“—это крестьянство, которое никакъ не хочетъ уми-

рать съ голоду, удовлетворившись аграрнымъ законопроектомъ Стишинскаго; враги „общества“—это интеллигенція и рабочій классъ, враги „общества“—это почти двѣ третьихъ населенія Россіи. Сколько, однако, враговъ у Столыпинскаго общества! И при такомъ обилии враговъ Столыпинъ надѣется, что сможетъ заручиться поддержкой народа на „мирное обновленіе“.

„Кубанская Жизнь“:

„Страшно подумать! Опять военныя положенія, опять казни, аресты, репрессіи!

Аграрное движеніе увеличивается, оно охватитъ всю страну. Наше крестьянство, увидавъ, что оно не можетъ добыть земли мирнымъ путемъ, черезъ своихъ избранниковъ, само пойдетъ добывать себѣ земли и мстить за оскорбленіе своихъ представителей. „Красный пѣтухъ“—это страшное оружіе въ рукахъ нашего мужика. Съ большою силою запалуютъ усадьбы, скирды, а слѣдствіемъ этого будетъ полный упадокъ всѣхъ цѣнностей, промышленности и торговли. Куда же насъ ведутъ? Не можетъ быть, чтобы послѣдствія роспуска Думы не были бы взвѣшены?

Но въ такомъ случаѣ мы спрашиваемъ, чѣмъ правительство во главѣ съ г. Столыпинымъ думаетъ успокоить страну и вывести ее изъ того заколдованнаго круга, въ который ввели ее его предшественники“.

Рабочее движеніе.

Организованныя забастовки рабочихъ встревожили фабрикантовъ, привыкшихъ до сихъ поръ имѣть дѣло со стихійнымъ, неорганизованнымъ стачечнымъ движеніемъ. Недавно въ Москвѣ закрылся съѣздъ учредителей союза фабрикантовъ и заводчиковъ центрального промышленнаго района. На съѣздъ прибыло 110 представителей промышленныхъ предпріятій, между ними С. И. Четвериковъ, главный дѣятель по организаціи капиталистовъ.

Въ своей рѣчи при открытіи съѣзда онъ указалъ на то, что союзъ фабрикантовъ необходимо образовать возможно скорѣе, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ усиливающимися свое вліяніе рабочими союзами; во всемъ, по его мнѣнію, виноваты агитаторы социаль-демократы, внушающіе рабочимъ „непріемлемыя“ требованія. Единовременный вступительный взносъ для членовъ союза опредѣленъ въ размѣрѣ двадцатикратной стоимости забастовочнаго дня въ данномъ фабричномъ заведеніи.

Цѣль союза есть борьба съ „неправильными требованіями рабочихъ“; союзъ можетъ предпринять обязательныя для всѣхъ членовъ мѣры для предупрежденія забастовокъ. Мѣра эта — массовой расчетъ; сами фабриканты, однако, сомнѣваются въ возможности проведенія ея въ Россіи въ настоящій моментъ, и ихъ сомнѣнія подтверждаются неудачнымъ исходомъ локаута въ польскихъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ городахъ средней Россіи.

Съ другой стороны, трудящіеся и интеллигентный пролетаріатъ организуются весьма усердно и не только на одной профессионально-экономической почвѣ. Недавно образовалась новая политическая партія, открыто именующая себя социалистической, которая имѣетъ цѣлью объединить всѣ трудовые элементы. Идея необходимости образовать „открытую“

соціалистическую партію зародилась еще въ октябрьскіе дни, но вихрь событій отодвинулъ этотъ вопросъ на второй планъ.

Теперь, когда наступило нѣкоторое затишье, снова выплылъ наружу вопросъ объ организаціи многочисленныхъ прогрессивныхъ элементовъ, не примкнувшихъ по разнымъ соображеніямъ къ нынѣ существующимъ соціалистическимъ партіямъ: социаль-демократамъ и социалистамъ-революціонерамъ.

Основные положенія программы новой „народно-трудо­вой“ партіи въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующему:

Въ области личныхъ правъ партія будетъ добиваться утвержденія неприкосновенности и свободы личности. Не предрѣшая вопроса объ образѣ правленія, партія настаиваетъ на необходимости организовать законодательное представительное собраніе, въ видѣ одной палаты.

Въ области мѣстнаго и областного управленія партія стремится къ повсемѣстному земскому, городскому и сельскому самоуправленію, организованному на широкихъ демократическихъ началахъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ этого пожелаетъ населеніе, должна быть допущена областная автономія съ мѣстнымъ представительнымъ учрежденіемъ для изданія мѣстныхъ законовъ. По отношенію къ войску партія считаетъ необходимымъ наивозможное сокращеніе срока службы, отбываніе воинской повинности на мѣстахъ постоянного жительства или вблизи ихъ, распространеніе на военно-служащихъ общихъ гражданскихъ правъ.

Въ аграрномъ вопросѣ новая партія считаетъ необходимымъ добиваться націонализаціи земли. Націонализація надѣльныхъ земель должна быть осуществлена въ видѣ системы мѣръ, обеспечивающихъ, съ одной стороны, нахожденіе этихъ земель въ трудовомъ пользованіи, и съ другой—постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность. Вопросъ о вознагражденіи за отчуждаемыя изъ частныхъ владѣній земли партія считаетъ всецѣло подчиненнымъ вопросу о націонализаціи: т.-е. въ зависимости отъ тѣхъ условий, при которыхъ будетъ происходить земельная реформа, партія изберетъ ту форму отчужденія, которая сопряжена будетъ съ наименьшими жертвами.

Съ своей стороны, партія приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы всѣ связанные съ реформой расходы были отнесены

на общегосударственный, а не крестьянскій счетъ, далѣе, чтобы сбереженія трудящихся классовъ, поскольку таковыя вложены въ земельную собственность, были возмѣщены государствомъ и, наконецъ, чтобы въ остальной части вознагражденіе за отчуждаемая земли было минимальнымъ, т.-е. не превышало тѣхъ суммъ, какія, съ государственной точки зрѣнія, окажутся необходимыми для того, чтобы земельные собственники могли приспособиться къ новымъ условіямъ существованія.

Завѣдываніе земельнымъ фондомъ, за исключеніемъ земель, имѣющихъ общегосударственное значеніе, должно принадлежать органамъ мѣстнаго самоуправления. Всѣ граждане должны имѣть равное право на пользованіе свободными землями, при чемъ за мѣстнымъ и земледѣльческимъ населеніемъ должно быть сохранено право на надѣленіе въ первую очередь.

Въ рабочемъ вопросѣ партія ставитъ своей задачей широкую охрану труда и переустройство промышленности для подготовки новаго строя. Партія считаетъ необходимымъ, помимо введенія 8 - часового рабочаго дня, настаивать на широкой организаціи всѣхъ видовъ государственнаго страхованія. Она стремится также къ отдѣленію Церкви отъ государства и школы. Въ сферѣ международныхъ отношеній партія является рѣшительной противницей завоевательной политики и какихъ бы то ни было захватовъ за счетъ другихъ государствъ, сторонницей разоруженія и рѣшенія споровъ при помощи международныхъ правовыхъ учреждений и возможно большаго сближенія съ трудовымъ населеніемъ всѣхъ другихъ государствъ.

Таковы общія положенія новой политической партіи рабочаго люда городовъ и деревень. Рабочіе спѣшатъ укрѣпить и расширить свои организаціи и очень осторожно относятся къ призывамъ итти на выступленіе.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить образованіе новаго совѣта рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ, призваннаго отнынѣ руководить движеніемъ рабочихъ массъ.

М. Ш.

Библиографія.

К. Качоровскій. — „Народное право“. СПб. 1906. Ц. 90 коп.

На основаніи большого и хорошо разработаннаго матеріала г. Качоровскій доказываетъ жизненность общины, огромное преобладаніе жизнедѣятельной общины надъ замершей и пробужденіе замершихъ общинъ.

Народное право прежде всего проявляется, какъ право труда—право на вещи, благодаря вложенному въ ихъ производство труду. Это право проникнуто личнымъ началомъ, оно не объединяетъ трудящихся, а скорѣе разъединяетъ ихъ, поселяетъ между ними глухую рознь. Въ общинѣ трудовое право вступаетъ въ борьбу съ правомъ на трудъ, которое вытекаетъ изъ права на жизнь. Право на трудъ и создаетъ общинно-передѣльное владѣніе, являющееся очагомъ уравнительнаго земельного права. Синтезъ права труда и права на трудъ объединяетъ экономическія и нравственныя начала права.

Въ послѣдней главѣ „Прогрессивность народнаго права“ г. Качоровскій говоритъ, что населеніе тѣхъ общинъ, гдѣ введенъ передѣлъ по ѣдокамъ, составитъ передовой отрядъ, хорошо подготовленный къ борьбѣ за осуществленіе народнаго права.

Весьма опредѣленно г. Качоровскій высказывается противъ рѣшенія аграрнаго вопроса на мѣстахъ, стихійнымъ творчествомъ. „Если бы захватъ прошелъ подъ знаменемъ коллективизма, то подъ этимъ знаменемъ сразу прошла бы огромная контрабанда личнаго начала въ видѣ неуравнительнаго захвата“.

Г. Качоровскій справедливо указываетъ марксистамъ, что о „живомъ“ пролетаріатѣ у нихъ нѣтъ ни этнографической, ни правовой, ни исторической литературы, что марксисты не изучаютъ пролетаріатъ такъ, какъ народники—крестьянство.

Во взглядахъ русскихъ социаль-демократовъ на крестьянъ много догматизма, и этотъ догматизмъ приноситъ одинъ лишь вредъ дѣлу экономическаго и политическаго освобожденія страны. Догматизмъ устраняется лишь глубокимъ и добросовѣстнымъ изученіемъ матеріальнаго и духовнаго быта населенія. Работа г. Качоровскаго, автора известной книги о русской общинѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія; она чрезвычайно богата содержаніемъ и помогаетъ уяснить себѣ нѣкоторыя стороны народной психологіи.

М.

Въ послѣднюю минуту.

Сегодня ночью редакціей „Русскихъ Вѣдомостей“ получено потрясающее извѣстіе объ убійствѣ ~~бывшаго~~ члена Государственной Думы, избранника Москвы, профессора сельскохозяйственнаго института и привать-доцента Московскаго университета Михаила Яковлевича Герценштейна.

Еще новая жертва того человѣконенавистническаго дикаго настроенія, которое охватило за послѣднее время наше общество! Настроенія, нещадыщаго въ безпредѣльномъ безуміи вражды и злобы никого и ничего.

Мы хорошо знали и глубоко уважали Михаила Яковлевича и считали за честь участіе его въ нашемъ изданіи. Потеря его для русскаго общества—жестокая, незамѣлимая утрата; въ лицѣ его сошелъ въ могилу серьезный глубокий ученый, выдающійся теоретическими и практическими знаніями по экономическимъ вопросамъ, талантливый публицистъ, блестящій лекторъ и ораторъ. Человѣкъ съ доброй душой и мягкимъ сердцемъ, гуманнаго, либеральнаго, но далеко не радикальнаго направленія въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, М. Я., казалось, не могъ вызвать ничьей злобы, не могъ пасть отъ руки политическаго убійцы.

Мы съ печалью и болью за нашу родину, констатируя фактъ убійства такого выдающагося человѣка какъ М. Я.,

отказываемся пока даже попытаться объяснить мотивы, вызвавшіе это злодѣяніе, но высказываемъ увѣренность, что судебныя власти, какъ въ Финляндіи, такъ и въ имперіи, сумѣютъ выяснитъ во всѣхъ подробностяхъ дѣйствительную картину несчастнаго событія.

18 іюля.

Съ 21-го мая с. г. въ С.-Петербургѣ издается новая
еженедѣльная народная газета:

„МІРСКОЕ ДѢЛО“.

Газета ставитъ себѣ задачей выяснять путемъ непосредственныхъ сношеній и опросовъ нужды и желанія крестьянскаго и рабочаго населенія Россіи и содѣйствовать пробужденію и развитію политическаго самосознанія народныхъ массъ.

Цѣна газеты: по 1 января 1907 г. — **1 р. 50 к.** по 1 октября 1906 г. — **1 рубль**; по 1 июля — **50 коп.**; на одинъ мѣсяць — **25 к.**; отдѣльный номеръ — **5 коп.**

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Измайловскій полкъ, 5 рота, д. № 12, кв. № 27.

Подписка принимается: въ главной конторѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. Книгопродавцы пользуются обычной уступкой въ 5% съ подписной цѣны. Иногородніе подписчики могутъ присылать подписную плату сберегательными и почтовыми марками. Газета выходитъ по воскресеньямъ, въ размѣрѣ двухъ печатныхъ листовъ in 4°.

Редакція проситъ гг. корреспондентовъ, читателей и подписчиковъ сообщать ей свѣдѣнія изъ общественной жизни, не стѣсняясь формою изложенія.

Редакторъ-Издатель В. Ф. КАРАВАЕВЪ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ

Кн. С. Н. Трубецкого

(посмертное изданіе курса по исторіи древней философіи, исправленное и дополненное авторомъ лѣтомъ 1905 г.). Вышла изъ печати и поступила въ продажу во всѣ книжные магазины. Цѣна I части 1 руб. 25 к. Складъ изданія при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^o (Москва, Пименовская ул.).

МОСКОВСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Выходить книжками въ 3—4 листа еженедельно
по расширенной программѣ.

Кромѣ статей по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ „Московский Еженедельникъ“ будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни, а по мѣрѣ возможности — и произведеніямъ беллетристическаго характера.

Въ журналѣ принимаютъ участие:

Н. Н. Авиновъ, священникъ, К. М. Агеевъ, проф. А. С. Алексеевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Везобразовъ, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, проф. М. Я. Герценштейнъ, М. О. Гершензонъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здыжковский, М. А. Ивановичъ, проф. И. И. Ивановъ, Г. В. Юдловъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кистяковский, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, В. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Млодзевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцовъ, проф. Л. И. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровский, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Размановъ, И. Ф. Родичевъ, В. Ю. Скалонъ, Л. З. Слонимскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, П. В. Струве (б. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Г. Н. Трубецкой, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шулце-Геверлицъ (Фрейбургъ въ Брейгау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Янополскій, и другіе.

Продолжается печатаніе посмертныхъ статей проф. кн. С. Н. Трубецкого.

„Московский Еженедельникъ“ продается въ Москвѣ въ кіоскахъ И. Д. Сытина и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ. Въ С.-Петербургѣ: въ кіоскахъ В. А. Иташкинова, у артеда уличныхъ продавцовъ произведеній печати и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова (Литейная, 46), „Наша Жизнь“ (Невскій, 49), Митрошкина (Литейная), „Русскія Газеты“ (Невскій), „Доброе Дѣло“ (Бассейная, 4). Представитель для Юго-Западнаго края — А. А. Соколовскій: Кіевъ (Крещатикъ, 14). Воронежъ (Б. Дворянская) — Т-во Молчановъ-Богдановъ. (Б. Московская) — Агафоновъ. Луганскъ — Шляпниковъ М. Харьковъ — Правл. Харьк. Общ. Библиот. Витебскъ (М. Московская) — Залдуингъ. М. Таганъ, о-въ — В. М. Филевская, Г. В. Городенскій. Симферополь — М. М. Загородскій. Новочернаскъ — В. М. Кливинъ. Винница (Полтавской губ.) — В. Райхеръ. Мчисль — Б. А. Городенскій. Никола въ (Херсонск. губ.) — М. О. Шахъ. Ялта — Вольговъ. Рига — газетн. кіоски Р. Манфредъ. Калуга — Горниъ. Красноярскъ — П. Трегубовъ. Ташкентъ — М. Свитульскій.

Представитель за-границей: Agence de la Presse russe: Paris — 11 Avenue de l'Opera. Berlin — 101, Fridrichstrasse. Wien — 8, Stefansplatz. London — 77 Lowers Thamesstreet. Nice — 13, Promenade des Anglais. Luzern — Diemer (Buchhandlung). Lausanne — Librairie Nouvelle.

Пріемъ для личныхъ объясненій у редактора: отъ 3—4 час., у секрет. отъ 3—5 час.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ марта до конца года — **4** Р. за 3 мѣс. — **1** Р. **50** К. за-границу до конца года — **7** Р. За перемѣну адреса **25** к. Объявленія позади текста, за строку пегита **20** к., принимаются у Л. и Э. Метцль и К⁰ въ Москвѣ и въ отдѣленіяхъ. Книгопродавцы удерживаютъ съ подписной цѣны 50/0; комиссионеры розничной продажи пользуются обычной уступкой. ☐ Телефонъ № 127 — 18.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Волхонка, Антипеевскій пер., д. Мазингъ.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, у Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель проф. кн. Е. Н. Трубецкой.

Цѣна 15 коп.

Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

Цѣна 15 коп.